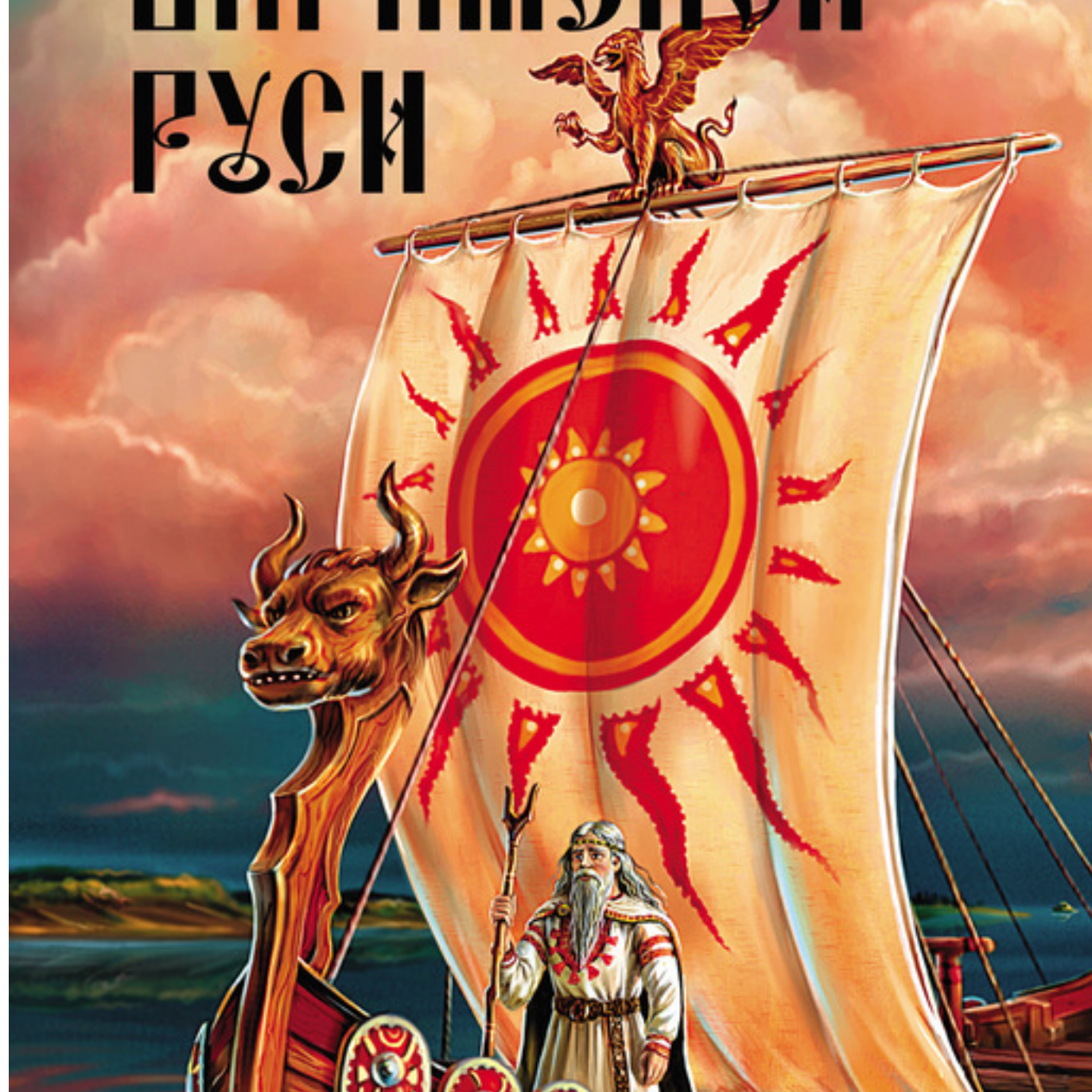

Михаил СЕРЯКОВ

ОДНЕСЕН ВАРЯЖСКОЙ РУСЬЮ

Михаил Леонидович Серяков
Одиссея варяжской Руси
Серия «Неведомая Русь»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654094
Одиссея варяжской Руси / М.Л. Серяков.: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-2430-8, 978-5-4444-8223-0

Аннотация

Где и когда возник русский народ? Этот сложный вопрос вот уже несколько столетий волнует отечественных историков. Даже автор средневековой летописи «Повесть временных лет» начал свой труд фразой: «Откуда есть пошла Русская земля».

Для решения этого вопроса нам придется не раз пересечь Балтийское море из конца в конец. Путь наш пройдет не только в пространстве, но и во времени. Одиссею потребовалось десять лет скитаться по морю, чтобы вернуться в родную Итаку. Переселения же целого народа на протяжении его долгой исторической судьбы могут занимать века и даже тысячелетия. Чтобы проследить народные странствия по водам Балтийского моря, нам понадобится необычный корабль. Нос его украшен бычьей головой, а на мачте сидит грифон. Когда ветер наполнит парус, мы сможем vyplыть на просторы времени. Путь наш будет нелегок и долог, но высока будет и награда – мы, хотя бы в общих чертах, узнаем подлинную историю нашего народа за тысячелетия до официально принятой даты основания Древнерусского государства.

Содержание

Вступление	4
Глава 1	7
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	57

М.Л. Серяков

Одиссея варяжской Руси

Вступление

Где и когда возник наш народ? Эта глобальная проблема вот уже почти тысячу лет волнует отечественных историков. «Откуда есть пошла Русская земля» – вот был первый вопрос, с которого автор «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) начал свою летопись в Средние века. Однако четкого ответа на поставленный им же самим вопрос ее автор так и не дал. Причина этого не в последнюю очередь заключается в том, что данный труд создавался монахом в XII в. в условиях кардинального разрыва правящей на Руси верхушки со всей предшествовавшей духовной традицией своего народа, произошедшего в 988 г., и господства приверженцев новой веры в сфере письменности. В силу этого всей правды о происхождении своего народа, которая так или иначе была неразрывно связана с языческой религией, христианский летописец не мог, да и, наверное, не хотел сказать. Но и это было еще не все: первоначальную летопись впоследствии правили другие монахи, а затем, когда религиозный аспект отошел уже на второй план, этот вопрос еще более осложнился политическими мотивами, переросшими в целую историографическую традицию. Все эти обстоятельства объясняют, почему в дошедших до нас отечественных источниках мы не найдем исчерпывающего ответа на интересующий нас вопрос. На протяжении почти целого тысячелетия вся правда о происхождении нашего народа была и остается невыгодна слишком многим силам, стремившимся всячески извратить ее и внедрить этот искаженный образ в массовое сознание.

Помочь решению этого вопроса нам может только тщательный анализ всех сохранившихся источников. Поскольку, согласно одной из версий, изложенной в древнерусской летописи, варяжская Русь была призвана из-за моря, под которым летописец понимал море Балтийское, наше исследование будет посвящено той части источников, которая упоминает русов на Севере. В предыдущей книге «Загадки римской генеалогии Рюриковичей» нами был рассмотрен комплекс данных, относящихся к упоминанию русов в Польском Поморье на границе с пруссами. В этой книге мы обратимся к тем сведениям, которые относятся к трем другим центрам русов на побережье Варяжского моря, а именно на территории современной Прибалтики, Северной Германии и в землях ильменских словен. В свете северной локализации Руси исключительно важное значение для разрешения вопроса о ее происхождении имеет германо-скандинавская традиция, созданная нашими западными соседями на этом море. Значимость ее еще более возрастает в свете неполноты отечественной традиции. Однако с ее изучением в русской историографии сложилась парадоксальная ситуация. Одним из наиболее ранних источников, описывающих к тому же древнейшую историю Руси на Балтике, являются «Деяния данов» Саксона Грамматика. Об этом труде упоминал В.Н. Татищев, первый отечественный историк в современном смысле слова. Но уже один из первых норманистов А.Л. Шлецер, настаивавший на скандинавском происхождении Рюрика, категорически отверг скандинавские саги, называя их «безумными сказками», «беспрестанной глупостью», «легковесными и глупыми выдумками», которые необходимо выбросить из русской истории, а не использовать в качестве одного из источников для ее изучения. Призыв был услышан, и другой выдающийся отечественный историк Н.М. Карамзин назвал известия датского хрониста о Руси сказками, недвусмысленно указав на их происхождение: «Саксон Грамматик выдумывал...»¹ Авторитет автора «Истории государства Российского»

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. СПб., 1818. С. 48, примеч. 106.

был весьма велик, и отрицательное отношение к «Деяниям данов» прочно укоренилось в отечественной историографии. Понять причину гиперкритичного отношения норманистов к труду Саксона Грамматика легко – ниже мы увидим, что даже в случае частичного принятия его данные не оставляют камня на камне от их гипотезы. Сложнее понять причину игнорирования его труда со стороны антинорманистов. Скорее всего, она заключается в том, что сведения, содержащиеся в «Деяниях данов», не вписывались и в их теоретические концепции. В результате на протяжении уже трех столетий труд Саксона Грамматика не только критически не изучен, но даже не переведен полностью на русский язык. В данном исследовании мы постараемся хотя бы частично восполнить данный пробел и определить достоверность известий о Руси Саксона Грамматика путем сопоставления их с другими, независимыми от него данными.

Весьма похожая ситуация сложилась и с мекленбургскими генеалогиями, в которых упоминались Рюрик и его братья. Эти генеалогические таблицы были известны еще первому поколению отечественных историков, но стараниями норманистов опять-таки были выведены из числа источников для изучения проблемы происхождения Руси. На русском языке эти генеалогии, да и то частично, были впервые опубликованы в 2004 г. В.И. Меркуловым. Изучая эту тему, он столкнулся с неожиданным препятствием – в редкой книге И. Хюбнера первой трети XVIII в., хранящейся в Государственной публичной исторической библиотеке, кто-то вырвал именно те страницы, на которых описывалась генеалогия королей вандалов, вендов и ругов². Причины подобных действий очевидны: совершающие их хорошо понимают, что введение в научный оборот столетиями замалчивавшихся данных неизбежно приведет к крушению многих устоявшихся догм и всеми силами пытаются не допустить этого. Усилия тех, кто любой ценой стремится не допустить исследования всего комплекса данных о происхождении Руси привели к тому, что в 2003 г. А.Г. Кузьмин так охарактеризовал общее состояние проблемы: «Несмотря на исключительную важность вопроса о Балтийской Руси как для норманистов, так и антинорманистов, он остается, пожалуй, наименее изученным во всем комплексе проблем, связанных с образованием Древнерусского государства»³. По иронии истории именно норманисты, постулирующие скандинавское происхождение первых русов, всеми силами стараются замолчать часть германо-скандинавской традиции, противоречащей их концепции. Нечего и говорить, что подобный подход к источникам не имеет ничего общего с той научной объективностью, которой так любят кичиться представители данного направления. В силу ограниченности объема детальный анализ аргументов норманистов, на основании которых они строят свою картину истории Древней Руси, будет принят нами в следующей книге данной серии, а в этом исследовании основное внимание будет уделено игнорируемым им данным.

Понятно, что к любым источникам, к какой бы традиции они ни принадлежали, необходимо подходить взвешенно, определять степень их достоверности и лишь затем использовать в дальнейшем исследовании проблемы. Однако необходимая внутренняя и внешняя критика источников не должна подменяться гиперкритицизмом или замалчиванием. Ценность германо-скандинавской традиции состоит в том, что она хоть и фрагментарно, но хотя бы отчасти восполняет наши сведения о предыстории варяжской Руси, о чем почти полностью умалчивает отечественное летописание. В сочетании с последними открытиями в сфере самых разнообразных наук эти источники позволяют понять не только то, кем же на самом деле были летописные варяги и Рюрик, Синеус и Трувор, но и восстановить предысторию призвания первых князей, а также проследить истоки их происхождения. Более того: на

² Меркулов В.И. Немецкие генеалогии как источник по варягорусской проблеме // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. М., 2003. С. 141.

³ Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003. С. 268.

основе анализа всех имеющихся источников можно поставить и решить гораздо более сложные и глобальные вопросы, а именно определить, где и когда наши далекие предки впервые появились на берегах Балтийского моря и где находилась изначальная прародина Руси, то место, где впервые возникло имя нашего народа.

Для решения всех этих вопросов нам придется не раз пересечь Балтийское море из конца в конец. Путь наш пройдет не только в пространстве, но и во времени. Одиссею потребовалось десять лет скитаться по морю, чтобы вернуться в родную Итаку. Переселения целого народа на протяжении его долгой исторической судьбы могут занимать века и даже тысячелетия. Чтобы проследить их странствия по водам Балтийского моря, нам понадобится корабль. Корабль для нашего путешествия будет не вполне обычен – нос его украшен бычьей головой, а на мачте сидит грифон. Когда ветер надует его парус, мы на нем сможем тронуться в путь через просторы моря и времени. Путь наш будет нелегок и долог, но высока будет и награда – возможность хотя бы в общих чертах узнать подлинную историю нашего народа за тысячелетия до официально принятой даты основания Древнерусского государства.

Глава 1

Первое забытое русское королевство

Автором «Деяний данов» был Саксон Грамматик (1140 – ок. 1208). Свое произведение (рис. 1) он довел до 1185 г. Таким образом, труд датского историка практически синхронен отечественной ПВЛ, заканчивающейся 1117 г., и, следовательно, должен рассматриваться как примерно равнозначный ей исторический источник. Оговорка «примерно» здесь употреблена не случайно: в отличие от древнерусской летописи в хронике Саксона Грамматика отсутствует годовая сетка, что, естественно, затрудняет датировку описанных в ней событий. С другой стороны, если народные предания были помещены автором ПВЛ в сравнительно небольшую недатированную часть, то древние скандинавские сказания занимают в «Деяниях данов» целых девять первых книг этого труда. Кроме того, что весьма важно, хроника Саксона Грамматика не подвергалась такому количеству редактирований, как отечественная летопись. Наконец, в отличие от подавляющего большинства других древних иностранных источников, содержащих единичное упоминание русов, на страницах «Деяний данов» русы упоминаются многократно. Понятно, что Саксон Грамматик говорит о них лишь в связи с датской историей, однако на основании целого ряда сведений можно еще попытаться построить какую-то картину, хоть и неизбежно фрагментарную, но на основании одного-единственного известия это сделать вообще невозможно.

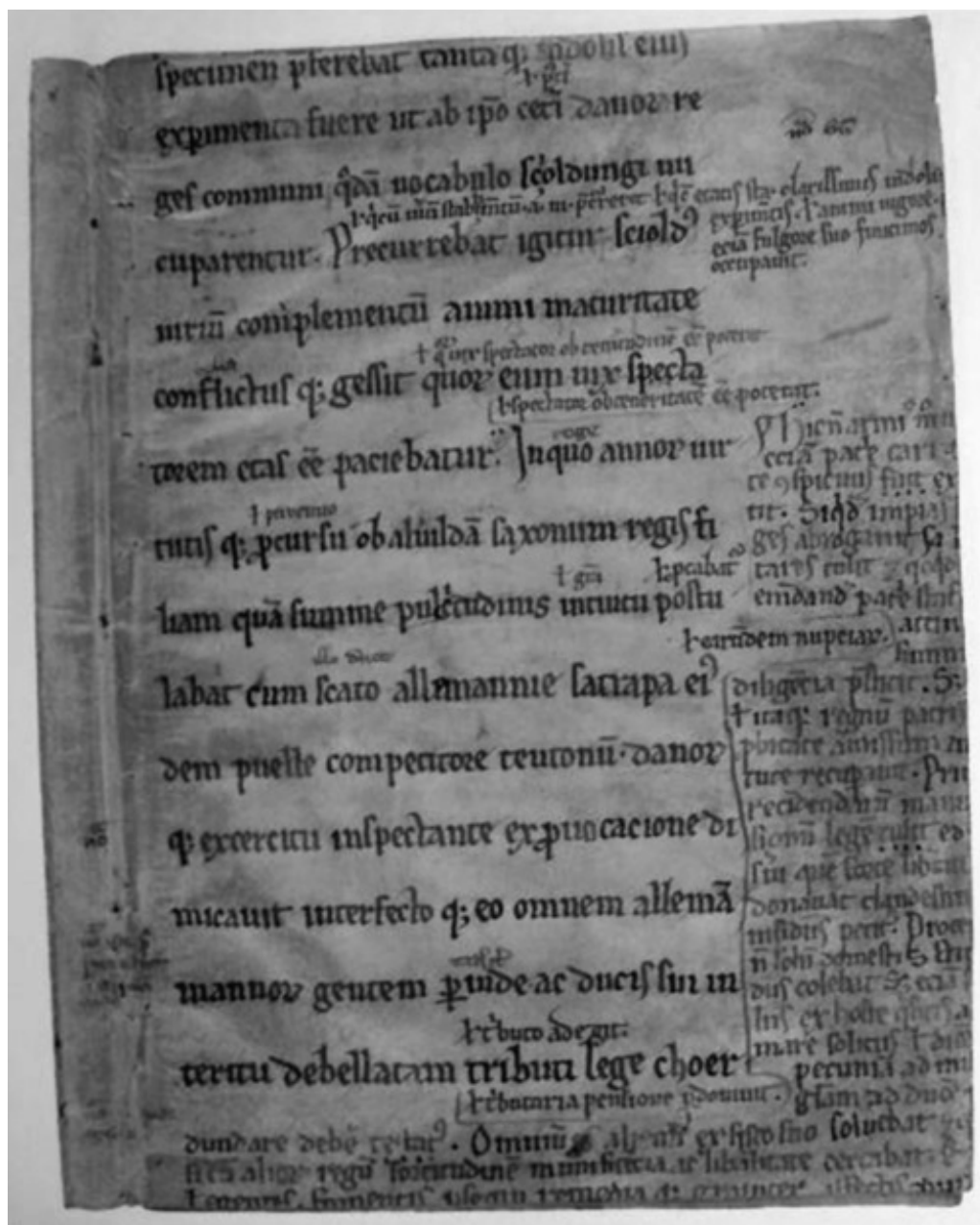

Рис. 1. Первый лист хроники Саксона Грамматика «Деяния данов»

Поразительно, но эта средневековая хроника, содержащая ценные известия о древнейшей истории русов, не говоря уже про сведения по истории данов и балтийских славян, ни разу не была полностью переведена на русский язык. Для сравнения отметим, что труд Саксона Грамматика впервые был издан в Париже в 1514 г. и с тех пор неоднократно издавался на различных европейских языках. Именно из нее Шекспир взял сюжет своего «Гамлета». О причинах подобного пренебрежительного отношения в нашей стране к единственному источнику, хоть как-то освещающему древнейшую историю русов, было сказано выше. Да, сообщаемые о русах Саксоном Грамматиком сведения весьма необычны и не соответствуют наиболее распространенным представлениям о происхождении нашего народа. Однако подлинность самой хроники, равно как и время ее написания в XII в., сомнений не вызывает, что, по крайней мере с формальной стороны, делает ее надежным историческим источником. Сомнение исследователей вызывала фактическая достоверность сведений о русах Саксона Грамматика, а точнее, достоверность устной эпической традиции данов, на которую и опи-

рался наш автор. Однако, как показывают многочисленные исследования эпосов различных народов, этот вид народного творчества может многократно преувеличивать произошедшие события, путать хронологию, но не выдумывает события на пустом месте. Хоть эпос и требует к себе критического отношения, однако он все равно является историческим источником, пусть и достаточно специфичным. И если ученые в большинстве своем относятся с доверием к древнейшей недатированной части ПВЛ, восходящей к устным народным преданиям о расселении славян с Дуная, основанию Киева и хазарской дани, то логика исторического исследования требует от нас не отмахиваться от древнейшей, восходящей к устной эпической традиции, части «Деяний данов», а попытаться найти и в ней зерно исторической действительности.

Впервые на страницах хроники русы упоминаются в связи с походом на Восток датского короля Фротона I (Frotho). Напав сначала на землю куршей (*лат.* Curetum, в английском переводе – the region of the Kurlanders), датчане двинулись дальше: «Пройдя вперед, Фротон напал на Траннона, правителя народа рутенов (*лат.* Trannonem Rutene gentis tyrannum, в английском переводе – Trannon, the monarch of the Ruthenians). Разведав их морские силы, он сделал многочисленные гвозди из дерева и нагрузил ими лодку. Ночью, подойдя к вражескому флоту, он пробуравил сверлом нижние части судов. Чтобы волны раньше времени не захлестнули отверстия, он заделал отверстия гвоздями. Когда он счел, что вражеские суда получили достаточно скважин, чтобы затопить их, он вынул гвозди и открыл доступ воде, а тем временем его войско окружило вражеский флот. Двойная угроза обрушилась на рутенов. Устояв перед волнами, они, бегущие, натыкались на оружие. Они погибали от кораблекрушения в то время, когда надеялись отомстить неприятелю за причиненный урон. Внутренняя опасность оказывалась ужасней внешней. Едва их оружие соприкасалось с неприятельским, как они погибали от волн. С обеих сторон им грозила гибель. И было неясно, искать ли им спасения, бросаясь вплавь, или защищать себя с оружием в руках. Такой поворот судьбы вынудил их прекратить борьбу в самом разгаре. Двойная смерть грозила от одного нападения, двумя путями устремлялись они ей навстречу. И было неясно, что более действовало, оружие или волны. Бесшумный поток волн выхватывал меч у того, кто сражался в бою, а того, кто боролся с волнами, пронзал несущийся навстречу меч. Стремнина вод окрашивалась потоками крови.

После этой победы над рутенами Фротон возвратился в отечество. Затем он направил послов на Русь (in Rusciam) для взимания дани. Но вероломные жители жестоко перебили послов. Возмущенный двойной обидой, он стеснил плотной осадой город Роталу (Rotalam). Для того чтобы легче преодолеть отделявший его от города водный поток, он разделил водную массу на множество протоков и превратил русло с неведомой глубиной в проходимые броды. Он перешел русло лишь тогда, когда стремительный водоворот, ослабленный разделением потока, умерил свое течение и из водоворота образовались крошечные отводы переходимых вброд протоков. Таким образом он преодолел реку, напал на город со своим войском и разорил его, лишенный природной защиты.

Следуя далее, он направил войско к Палтиске (Paltiscam). Убедившись, что силой город не взять, он прибегнул к хитрости. При небольшом числе свидетелей он удалился в укромное место и велел повсюду объявить, что он умер, дабы таким образом усыпить врага. Для убедительности было сооружено погребение с останками. Воины, звавшие о хитрости, провожали мнимого умершего со скорбью. Поверив этому слуху, царь города Веспасий (rex urbis Vespasius), когда победа была уже в его руках, оставил столь слабую и вялую оборону, что позволил неприятелю вторгнуться в город и сам поплатился жизнью, предаваясь играм и развлечениям⁴. Этот город датский король также взял с помощью хитрости.

⁴ *Saxonis Grammatici. Gesta Danorum*, Strassburg, 1886. S. 40–41; при переводе также использовались английский пере-

Как видим, Саксон Грамматик в своем сочинении использует понятия «рутены» и «Русь» как взаимозаменяемые, точно так же, как их использовали и некоторые другие средневековые латиноязычные авторы. Уже первый фрагмент датского историка помещает рутенов-русов где-то по соседству с куршами – балтским племенем, жившем на западном побережье современной Латвии. Как следует из дальнейшего изложения, русы имели несколько городов, в том числе и неприступный Палтиск, а также морской флот, судя по всему, достаточно сильный, поскольку датчане предпочли потопить его с помощью хитрости, а не сражаться с ним в открытом бою. Насколько можно понять, правителем всего народа рутенов является Транши, однако при этом в городе Палтиске сидит отдельный царь. Если следовать этому описанию, то политическое устройство этой Прибалтийской Руси уже достаточно сложное и предполагало подчинение местных правителей верховному главе. Титул, которым Саксон Грамматик называет Траннона, мы рассмотрим ниже. Ротала, первый русский город, захваченный датчанами, перекликается с названием Роталии (Rotalija), приморской западной области современной Эстонии. Кроме того, название данного города однокорневое с понятием вселенского закона, известного у славян под именем *роты*. Представления наших предков о вселенском законе были рассмотрены автором в отдельном исследовании⁵, а здесь следует отметить еще три момента. Во-первых, способ образования названия города Ротала с помощью данного суффикса ближе всего оказывается к древнеиндийскому (ср. Патала), во-вторых, в наиболее ранних среднеперсидских произведениях иранский богатырь Рустам первоначально назывался Ротастаном⁶. В-третьих, в «Раффелыптетенском таможенном уставе», утвержденном восточнофранкским королем Людовиком IV между 902 и 907 гг., около Дуная в качестве одного из мест торговли русских купцов упоминается область роталариев (in Rotalariis). Весьма интересно, что совершенно независимый от Саксона Грамматика документ начала X в. также отмечает в сфере деятельности русских купцов топоним с корнем *рота*. Что касается второго города Палтиска (Paltiscam), то в нем видят обычно Полоцк, явно не существовавший в то время, в чем и усматривают недостоверность данного известия. Однако, как следует из исторической карты Латвии, составленной на основании средневековых письменных источников и напечатанной в Риге еще в XIX в., в самой Латвии есть целый ряд подобных названий. Во-первых, это город Piltens на реке Вента, причем рядом с ним обозначено место Wendfawa, название которого образовано от слова «венд». Поскольку уже готский историк Иордан при описании событий IV в. отмечает, что веныды – это славяне и именно этим именем называли славян германцы и финно-угоры, то подобное соседство весьма показательное. Кроме того, на территории Латвии на этой же карте встречаются три похожих названия Peltschi (ниже по течению реки), Pilskalns (ближе к границе с Литвой) и Pilskalns⁷. На карте Курляндии 1820 г. города Виндау, Пилтен и Голдинген (латышский Куддинг) располагаются на реке Виндау (Вента). Таким образом, города Прибалтийской Руси, с которыми вел войну Фротон I, находились в западных областях Латвии и Эстонии. Поскольку Саксон Грамматик именует противников датского короля то русами, то рутенами, следует отметить, что с последней формой соотносятся поселения Рутеники и Рутениеки, расположенные южнее современной Риги. В последнем было обнаружено захоронение эпохи бронзы⁸.

вод Saxo Grammaticus. The nine books of the Danish history. V. 1–2, 1905 и первый перевод на русский язык отдельных фрагментов, сделанный Е.Б. Кудряковой и опубликованный в Хрестоматии по истории России с древнейших времен до 1618 г. М., 2004. С. 83–89.

⁵ Серяков М.Л. Вселенский закон – незримая ось мироздания. М., 2005.

⁶ Брагинский И.С. Иранское литературное наследие. М., 1984. С. 36–37.

⁷ Baltija... Kurseme un Widseme latweeschu dāfe Latweeschu Inrika laika 1200 un wehlaku lihds 1300 P. Riga, 1890.

⁸ Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 52.

Определив место, где происходили описанные события, нам теперь остается решить более сложный вопрос о времени, когда они происходили. Как уже говорилось, дат у Саксона Грамматика нет, и потому те немногие отечественные историки, которые обращались к этому эпизоду, датировали его по своему усмотрению. Ф.Л. Морошкин отнес это событие примерно к 600 г. до н. э., В.И. Меркулов – к I в. н. э., а А.Г. Кузьмин – к VII–VIII вв. н. э. Попробуем более точно определить время первого столкновения русов с данами. Фротон I упоминается у Саксона Грамматика в числе наиболее ранних датских конунгов, начинающих свою родословную от легендарного Дана. Эти события описываются им во второй книге хроники, в то время как в пятой книге речь будет идти о войне с гуннами тезки рассматриваемого правителя Фротона III. Между обеими Фротонами Саксон Грамматик упоминает семнадцать датских конунгов. Следовательно, поход Фротона I в Прибалтику произошел еще до н. э. С другой стороны, некоторые специалисты по скандинавской мифологии склонны отождествлять Фротона I Саксона Грамматика с Фроди Гордым, или Миролюбивым, сыном Дана Гордого из «Саги об Инглингах», а их обоих – со скандинавским богом Фрейром, при котором, согласно той же саге, «начался мир Фроди»⁹. Старшая Эдда так определяет эту эпоху: «Сына Фридлейва звали Фроди. Он принял власть от своего отца в то время, когда Август Цезарь установил мир во всем мире. Тогда родился Христос. И так как Фроди был самым могущественный из конунгов в северных странах, считают, что он установил мир всюду, где говорят на датском языке, и люди называют это “мир Фроди”»¹⁰. Понятно, что это достаточно поздняя и искусственная привязка, обусловленная стремлением скандинавских скальдов как-то соотнести время жизни своих богов, превратившихся с принятием христианства в обожествленных правителей древности, с рождением основателя новой религии. Очевидно, что возникновение культа языческих богов произошло у скандинавов задолго до возникновения христианства. Еще одной возможностью определить хотя бы примерное время интересующего нас события, является датировка древнейших прибалтийско-скандинавских контактов по археологическим данным. Как отмечают специалисты, в древностях Прибалтики фиксируется небольшая группа могильников, явно отличных от захоронений местного населения. Эти ладьевидные могилы, получившие в Латвии название «чертовы ладьи», встречаются на территории северной Курземе, то есть на территории упомянутых Саксоном Грамматиком куршей, а также в Эстонии на острове Саарема. Аналогичные могилы известны в Финляндии, Дании и Готланде, где их особенно много¹¹. Археологи рассматривают их как следы пребывания в Прибалтике скандинавов и датируют эти захоронения достаточно ранним периодом: «К середине бронзового века – периоду около 950–970 гг. до н. э. – относятся древние погребения скандинавского происхождения – “чертовы ладьи”...»¹². Судя по названию захоронений скандинавов у местного населения, отношения с пришельцами вряд ли были дружественными. Понятно, что говорить о городах в тот период не приходится, однако укрепленные городища уже вполне могли существовать. По археологическим данным, они появляются в Прибалтике на рубеже II–I тыс. до н. э.¹³

Еще одним источником, позволяющим датировать появление русов в Прибалтике является топонимика с корнем *рус-* в данном регионе. Впервые интересующее нас название упоминается в «Естественной истории» древнеримского автора Плиния Старшего (23/24–79 н. э.). Обобщая сведения античных географов о Балтийском море, он писал: «Говорят,

⁹ Мелетинский Е.М. Фрейр // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992. С. 572; *Снорри Стурлусон*. Круг земной. М., 1995. С. 16, 23.

¹⁰ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 346.

¹¹ Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 121.

¹² Граудонис Я.Я. Эпоха бронзы и раннего железа на территории Латвии. Научный доклад. М., 1987. С. 18.

¹³ Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 119.

что в этих местах много островов без названий; Тимей рассказывает, что один из них, который называется Бавнония и на который в весеннее время приливами выносятся янтарь, (расположен) против Скифии и отстоит (от нее) на день пути; остальные берега неизвестны. Любопытна молва о Северном океане: от реки Парапанис, где она протекает по Скифии, Гекатей называет его Амальхийским, каковое имя означает на языке этого племени “замерзший”. По сообщению Филемона, отсюда до мыса Русбей кимвры называют его Моримарусой, т. е. Мертвым морем, а далее Кронийским...»¹⁴ Поскольку все эти географические названия больше не встречаются в античной литературе, их конкретная локализация достаточно затруднительна. Исходя из того, что в данном отрывке речь идет о янтаре, то с Бавновией (буквально Бобовый остров) предположительно отождествляется остров Эзель¹⁵. Поскольку мыс Русбей находится на границе Мертвого и Кронийского морей (так называли кимвры замерзающую и незамерзающую части Балтийского моря), то на основании современной карты среднегодовой границы замерзания Балтики Д.А. Мачинский и В.С. Кулешов предложили четыре варианта его локализации: два на территории Швеции и по одному на территории Финляндии и Латвии. Однако в этом же фрагменте неподалеку от интересующего нас мыса Плиний Старший упоминает и реку Парапанис, очевидно, достаточно крупную, чтобы какие-то известия о ней дошли до римлян. Однако из перечисленных выше четырех вариантов локализации мыса, находящегося на границе замерзания Балтики, неподалеку только от одного протекает достаточно крупная река. Это впадающая в Рижский залив Западная Двина. Недалеко от нее впадает в Балтийское море и Вента, однако она не столь велика, как Двина. Около трех других мысов нет крупных рек, впадающих в Балтийское море. Таким образом, Русбей может быть отождествлен с мысом Колка, находящимся на территории современной Латвии. Именно в непосредственной близости от этого мыса и жили курши. Подобная локализация вполне согласуется и с предположением тех исследователей, которые соотносили Бобовый остров с Эзелем. Соответственно, в приведенном выше фрагменте Плиния речь идет о Восточной Прибалтике, в которой последовательно описываются три географических объекта.

В следующем столетии данный регион упоминается в труде великого греческого ученого К. Птолемея: «И снова побережье Океана вдоль Вендского залива последовательно занимают вельты, выше их осии...»¹⁶ Из этого названия Балтийского моря следует, что славяне уже во II в. н. э. были на нем настолько заметной силой, что по их имени называлось само море. Весьма интересно и упоминание Птолемеем вельтов, которых современные исследователи, анализируя последовательность перечисления племен Восточной Европы античным географом, локализуют на территории современной Литвы¹⁷. Впоследствии это племя, проживавшее уже на территории современной Германии, было известно под именами велетабов и вильцев немецким хронистам, а в восточнославянском фольклоре слово *волот* стало обозначать великана. Правильность локализации птолемеевских вельтов в Восточной Прибалтике подтверждается данными топонимики – примерно на границе между современной Латвией и Литвой есть село Вилце, к северу от Риги на побережье есть Вилькине¹⁸, в Латгалии с 1293 г. известен поселок Виляка, Виляны впервые упоминаются в 1495 г.¹⁹, а в Сейском районе Латвии есть поселение Вилетея. Таким образом, мы видим, что уже при самом первом упоминании корня – *рус-* на Балтийском море вместе с ним в том же регионе

¹⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 1. М., 2009. С. 245.

¹⁵ Там же, примеч. 3.

¹⁶ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1994. С. 51.

¹⁷ Там же. С. 59.

¹⁸ Обзорная схематическая карта Латвийской ССР. Рига, 1982.

¹⁹ По Латгалии. М., 1975.

и почти в то же самое время фиксируются названия вендов и вельтов – особенность, которую мы и далее будем наблюдать на Варяжском море. Уже это обстоятельство говорит о славянском окружении, в котором отмечается интересующее нас понятие. Таким образом, мы видим, что рассказ Саксона Грамматика о походе данов в правлении Фротона I на Восток в древности в определенной степени подтверждается археологическими данными. Что же касается упоминания в «Деяниях данов» Прибалтийской Руси в ту эпоху, то задолго до написания этой хроники античный писатель Плиний Старший уже отмечал топоним с корнем – *рус-* в I в. н. э. на территории современной Латвии. На основании всех имеющихся данных мы можем заключить, что первое столкновение данов с русами действительно произошло в I тыс. до н. э.

Второй раз рутены появляются у Саксона Грамматика в связи с одним из моментов скандинавской мифологии. Великан Хед убивает сына Одина Бальдра. Финский прорицатель предсказывает Одину, верховному богу скандинавов, что от дочери рутенского царя Ринды (*Rinda, Ruthenorum regis filia*) у него родится сын, который отомстит за Бальдра. Один неузнанным поступает на службу к неназванному царю рутенов, но, несмотря на свершенные им подвиги, дочь царя не хочет выходить за него замуж. В конечном итоге Один заколдовывает ее, под видом знахаря берется лечить и овладевает ею. Сын Ринд действительно убивает Хеда, после чего еще раз появляется на страницах «Деяний данов». Саксон Грамматик сообщает, что скандинавскому конунгу Готеру было предсказано, что он погибнет в сражении с Боем, и это пророчество сбылось: «... он (Готер. – *М.С.*) погиб, столкнувшись в сражении с Боем (*Bourn*). Победа не была более приятной и для Боя. Ведь он покинул строй столь тяжело раненный, что его вынесли на щите и, меняясь, принесли домой пехотинцы. На следующий день он умер от мучительных ран. Рутены похоронили его тело, приготовив великие похороны, и войско соорудило в его честь огромный холм, чтобы не исчезло из памяти потомков воспоминание о таком славном юноше»²⁰. Следует отметить, что сюжет с Риндой и ее сыном Боем во всей скандинавской традиции встречается только у Саксона Грамматика – во всех остальных ее вариантах мстителем за Бальдра выступает другой сын Одина Вали, никак не связанный с рутенами. Можно предположить, что здесь датский летописец использовал какие-то ставшие ему известными западнославянские мифы, сначала включив их в сюжет скандинавской мифологии, а затем соотнес имя Боя с историческими событиями. Эти события происходили в начале нашей эры, поскольку, по мнению некоторых историков, Готер жил примерно во II в. н. э. Следует отметить, что предания о Бое были зафиксированы и у белоруссов, у которых он считался князем и прародителем их народа. Весь этот комплекс мифов был рассмотрен в отдельном исследовании²¹. Здесь же отметим, что оба упомянутых в данном фрагменте «Деяний данов» имени встречаются в интересующем нас регионе: на северо-западе от Вентспилса есть озеро Ринда²², а на исторической карте Латвии зафиксирован топоним *Bojux*²³.

В третий раз Русь упоминается в связи с описанием войны с гуннами. За то, что датский конунг Фротон III развелся с дочерью царя гуннов, последний заключил союз с королем Восточной страны Олимаром (*rege Orientalium Olimaro*). Союзники в течение двух лет готовятся к войне с данами. В свою очередь, Фротон III в преддверии решающей битвы набирает свое войско из данов, норвежцев и соседних славян. Он посылает своего советника Эрика разведать боевой порядок врагов, и тот нашел Олимара, получившего под свое командование флот, недалеко от Руси (*Ruscia*), в то время как царь гуннов ведет сухопутное вой-

²⁰ *Saxonis Grammatici. Gesta Danorum*. Strassburg, 1886. S. 78, 82.

²¹ Серяков М.Л. Забытый прародитель человечества. М., 2012.

²² Латвийская ССР. Туристская карта. М., 1963.

²³ *Baltija... Kurseme un Widseme latweeschu dāfe Latweeschu Inrika laika 1200 un wehlaku lihds 1300 P.* Riga, 1890.

ско²⁴. Рассказывая королю об увиденном, Эрик говорит, что видел шесть королей, каждого со своим флотом, и каждый из этих флотов состоит из пяти тысяч кораблей, а на каждом корабле находится триста гребцов. По его совету Фротон III собрал свой флот и захватил острова, лежащие между Данией и Восточной страной. Проплыв дальше, они встретились с некоторыми кораблями флота рутенов (*Rutene*). Фротон III поначалу посчитал недостойным нападать на столь малые силы, однако Эрик убедил его громить врага по частям. После первой победы они встретились с основными силами противника на море: «После этого двинулись на Олимара, который из-за неповоротливости его массы предпочитал выдерживать натиск врага, а не наступать на него. Было замечено, что корабли рутенов сбились с порядка и плохо управляются из-за высокого расположения гребцов. К тому же большое количество сил не принесло им пользу. В самом деле, хотя численность рутенов была необычно велика, они отличались более числом, чем доблестью, и уступили победу крепкому меньшинству данов. Когда Фротон захотел вернуться назад в свое отечество, он пережил неслыханные препятствия на своем пути. Весь залив моря был покрыт многочисленными телами убитых не менее, чем обломками щитов и копий, разбросанных морским приливом. Из-за этого гавани были не только тесными, но и зловонными. Корабли задерживались, так как они увязали среди трупов. Невозможно было отогнать веслами или оттолкнуть копьем разлагавшиеся и плывущие вокруг тела, и вскоре после того, как одного отталкивали, другой, подкатившись, ударялся о корабль. И можно ли поверить, что развернулась война с убитыми, это была диковинная война против трупов». В результате этой битвы пали «все короли рутенов, кроме Олимара и Даго (*Ruthenorum reges, Olimaro Dagoque exeptis*)»²⁵.

Побежденным племенам Фротон III установил законы, касающиеся погребения павших в этой войне, оплаты воинов и правил заключения брака. Наибольший интерес для нас представляют законы, касающиеся захоронения павших рутенских воинов в зависимости от их общественного положения: «После этого Фротон созвал племена, которые победил, и определил согласно закону, чтобы всякий отец семейства, который был убит в этой войне, был предан захоронению под курганом со своим конем и всем снаряжением. (...) Тела же каждого центуриона или сатрапа должно было сжечь на воздвигнутых кострах в собственных кораблях. Тела рулевых должны были предаваться пламени по десяти на корабле, но каждый павший герцог или король должен был сжигаться на своем собственном корабле. Он пожелал, чтобы совершенно точно осуществлялись погребения павших, дабы не допустить одинаковых для всех погребений без различия»²⁶. Конечно, более чем сомнительно, чтобы датский конунг занимался установлением погребений побежденных племен, скорее всего, Саксон Грамматик просто описал известные ему погребальные обычаи рутенов, приписав их установление мудрой деятельности своего короля. Однако в свете того, что каждое трупосожжение в ладье на территории Восточной Европы норманисты трактуют как однозначно скандинавское, данное свидетельство скандинавского хрониста о существовании такого же ритуала у прибалтийских русов еще с гуннской эпохи представляет несомненный интерес.

После этой морской победы за Фротоном III следовал тридцать королей, «связанных с ним дружбой или повиновением». Поскольку содержание собранного им большого войска становилось все труднее, часть этих вассальных правителей датский король отправил собирать провиант в Норвегию, на Оркады и в Швецию, причем в последнюю был послан Олимар. При выполнении этого поручения он победил там не только трех местных королей, но также покорил Эстонию, Курляндию и Финляндию с островами, лежащими между ней и Швецией. Тем временем король гуннов собрал свои войска и двинулся на Фротона III.

²⁴ *Saxonis Grammatici. Gesta Danorum*. Strassburg, 1886. S. 154–155.

²⁵ *Ibid.* S. 155–156.

²⁶ *Ibid.* S. 156–157.

Когда противники сошлись, произошло решающее сражение: «Такая бойня началась в первый день этой битвы, что три великие реки Руси (at praeipui tres Ruscie fluvii) были засыпаны трупами наподобие мостов, став доступными и переходимыми»²⁷. На седьмой день битвы пал король гуннов, а сто семьдесят королей, служивших ему, сдались датчанам. После этой великой победы Фротон III распределил подвластные ему земли между покоровшимися ему правителями, обложив их данью. Олимара он назначил в Холмгардию (Holmagardie), Онева – в Коногардию, Дату поручил управление эстами, а остальных королей назначил в Саксонию, Швецию, Лапландию и Оркадские острова. «Так королевство Фротона включало в себя Русь (Rusciam) на востоке, а на западе граница шла по Рейну»²⁸, – заключает Саксон Грамматик описание великой державы данов.

Чтобы оценить степень достоверности этого сообщения датского хрониста, необходимо принять во внимание ту атмосферу, в которой создавалась та сага, которая и легла в основу всего этого повествования. Если в славянских языках слово *обры*, как в древности они называли могущественных и злобных авар, стало нарицательным обозначением великанов, то типологически аналогичную картину мы видим и у германцев с той лишь разницей, что великанами они называли не авар, а гуннов. Так, в немецком языке название «исполина» или «великана» было образовано именно от имени этих азиатских кочевников (нов.-в. – нем. Hune²⁹). Понять причины этого можно: ворвавшись в Европу, эта первая волна азиатских кочевников разгромила сначала аланов, а затем и готов, считавшихся в германском мире образцом доблести даже многие века спустя. Под их ударами пало королевство бургундов, а их натиск на живших около Балтийского моря германцев привел к тому, что германский вождь Радагаст, или Радагайс, в 404 г. повел на Рим огромную армию из готов, вандалов, свевов, бургундов, численность которой римские авторы оценивали в четыреста тысяч³⁰. Понятно, что эта оценка представляет собой некоторое преувеличение, но масштаб переселения германцев на юг в поисках спасения от гуннов был явно огромен. Столкновение с этими азиатскими кочевниками отразилось в эпосе различных германских народов: борьбе с гуннами посвящен ряд песен скандинавской Старшей Эдды, а история гибели Бургундского королевства легла в основу немецкого эпоса «Песнь о Нибелунгах».

Понятно, что во время всеобщего страха перед гуннами любая локальная победа над ними неизбежно превращалась в эпическом творчестве в эпохальную судьбоносную битву, в которой участвовали десятки, если не сотни королей, кровь лилась рекой, а трупы запруживали реки. Похожее мировосприятие мы видим века спустя во французском эпосе «Песнь о Роланде», сохранившего ощущение христианской империи, окруженной с юга и востока бесчисленным количеством враждебных ей мусульманских и языческих племен. Подобное ощущение «осажденной крепости» перед лицом более многочисленного и смертельно опасного врага вело к тому, что даже сравнительно небольшое столкновение, в котором погиб реальный Роланд, превратилось в посвященной ему «Песни» в битву со всеми мусульманскими силами Испании, продолжившуюся в решающем столкновении Карла Великого со всем исламским миром. Таким образом, если датчанам удалось в ту эпоху одержать победу над каким-нибудь гуннским отрядом, эта победа в их сагах неизбежно должна была разрастись до масштабов более подходящих описанию мировой войны, а не отдельного сражения. То, что Саксон Грамматик описывает войну с гуннами спустя семь столетий после того, как это племя было грозой всей Европы, неизбежно вызывает сомнение в точности излагаемых им фактов. Однако непосредственный современник тех событий и участник посоль-

²⁷ Ibid. S. 159.

²⁸ Ibid. S. 159–160.

²⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1967. С. 142.

³⁰ Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. Т. 3. М., 1997. С. 384; Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 362.

ства к гуннам византийский писатель V в. Приск Панийский сообщает, что власть Атилы распространялась на «острова на Океане», под которыми современные исследователи понимают Датские острова³¹. Данное свидетельство современника показывает, что экспансия кочевников была устремлена не только на юг, но и на север Европы. Погребения гуннов или перенявших их культуру других племен начала V в. обнаружены около Кракова, Висбадена, Майнца, Вормса и Страсбурга³². Все это подтверждает известие датских саг о войне с гуннами. Поскольку активность Атилы была обращена преимущественно сначала против Восточной, а затем и против Западной Римской империи и более или менее подробно была описана римскими авторами, а также принимая во внимание, что в «Деяниях данов» говорится о гибели в сражении гуннского короля, то Атила не мог быть воевавшим с данами правителем гуннов. Следовательно, описанная Саксоном Грамматиком война могла произойти до правления Атилы, то есть во второй половине IV – начале V в., либо сразу после его смерти, когда в 454 г. подчиненные кочевникам германские племена восстали и их коалиция во главе с гепидами нанесла гуннам сокрушительное поражение в битве при Недао в Паннонии, в которой пал старший сын Атилы Эллак. После этого гунны оставляют Центральную Европу и уходят в Причерноморские степи. Гибель в битве правителя гуннов совпадает с известием из «Деяний данов», однако однозначно отождествить это описание с битвой при Недао мешает как территориальная удаленность Паннонии от Дании, так и то, что Иордан не упоминает данов среди участников этой битвы.

Естественно возникает вопрос: насколько соответствует действительности утверждение нашего источника об участии в этой войне с гуннами древних русов в качестве союзников последних? Как саги, так и опиравшийся на них Саксон Грамматик могли записать в соратники гуннов любое количество народов, однако говорят они именно о русах. Поскольку гунны обитали в степях, а русы Саксона Грамматика жили на берегу моря, может возникнуть мысль, что все это известие о союзе неправдоподобно по чисто географическим соображениям. Однако это не так, и попытка заключения подобного союза против Византии со стороны авар, второй волны азиатских кочевников в Европе, с далекими приморскими племенами была отражена в письменных источниках. В 592 г. император Маврикий возглавил византийское войско, выступившее против авар: «На следующий день телохранителями императора были захвачены три человека, родом славяне... Император (принялся) расспрашивать их, какого они племени, где им выпало жить и почему они оказались в ромейских землях.

Они отвечали, что по племени они славяне и живут у оконечности Западного океана; что хаган отправил послов вплоть до тамошних (племен), чтобы собрать воинские силы, и прельщал старейшин богатыми дарами. Но те, приняв дары, отказали ему в союзе, уверяя, что препятствием для них служит длительность пути, и послали к хагану их, захваченных (императором), с извинениями...»³³ В следующем столетии различные византийские источники фиксируют совместные действия против Константинополя в 626 г. аварских сухопутных сил и славянского флота, причем в последнем Я.Е. Боровский не без оснований видит флот именно русов³⁴. Это показывает, что уже вторая волна азиатских кочевников в войнах стремилась обеспечить себе поддержку морских сил другого народа и, таким образом, в подобном же стремлении их предшественников нет ничего необычного. Если гунны собирались воевать с данами, то союз с другим морским народом, способным отвлечь хотя бы

³¹ Шувалов П.В. *Pelles sappherinae* и восточный путь. К вопросу о политической истории Балто-Скандии в V–VI вв. // Ладога и Глеб Лебедев. СПб., 2004. С. 95–96.

³² Сулимирский Т. Сарматы. М., 2008. С. 176.

³³ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. М., 1995. С. 15, 17.

³⁴ Боровский Я.Е. Византийские, старославянские и старогрузинские источники о походе русов в VII в. на Царьград // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 118.

часть сил противника на себя, им тем более был желателен. Указание Приска Панийского о распространении власти Аттилы на «острова на Океане» подтверждает это предположение. Очевидно, что конница гуннов, сколь бы многочисленна она ни была, сама по себе не была страшна жителям островов и привести их к покорности мог только флот или, по крайней мере, угроза его применения. Тот факт, что применительно к гуннской эпохе «Деяния данов» говорят о русах как о главных противниках данов на море, указывает на то, что, скорее всего, именно благодаря флоту наших далеких предков Аттиле и удалось установить свое владычество над островами Балтийского моря.

Целый ряд моментов в описании Саксоном Грамматиком перепетий этой войны представляет интерес. Как мы могли убедиться, русы в данном фрагменте снова описываются как морской народ, обладающий достаточно большим флотом, численность которого по законам эпического жанра преувеличивается. Из текста неясно, контролировали ли они острова между Данией и Прибалтикой, однако указание на то, что датчане, плывя сражаться с ними, захватили эти острова, позволяет высказать такое предположение. В его пользу свидетельствует и имя второго короля русов, Даго, поскольку такое же название носил второй крупный эстонский остров, расположенный севернее Эзеля. Утверждение автора хроники о том, что «корабли рутенов... плохо управляются из-за высокого расположения гребцов», были неповоротливыми и потому разбиты данами, корабли которых хоть уступали противнику по числу, но зато превосходили их в маневренности, наводит на мысль о том, что флот рутенов состоял в основном из торговых судов, более приспособленных для перевозки людей и грузов, чем для ведения войны. Этот вывод подтверждается и данными языкознания. Именно из славянских языков, а отнюдь не наоборот, скандинавские языки заимствовали такие понятия, как *lodja* (ладья), *torg* (торг), *besman* (безмен), *grans* (граница), *sobel* (соболь), *tolk* (толмач)³⁵. Многие из этих слов относятся к области торговли, а заимствование их произошло довольно рано: «Оба слова: *ее. tulkr* и *turg* принадлежат к числу ранних заимствований: они встречаются в древнейших литературных памятниках»³⁶. Однако влияние славян в этой сфере не ограничилось одними только скандинавскими языками. В результате торговых связей из славянского в литовский язык были заимствованы следующие слова: *turgus* – торгов, *cefte*, *cenis*, *cenus* – цена, *muitas* – мыто, *gedas* – ряд, *garadaĩ* – города, *tiĩlka* – толк (тылк, переводчик) и др.³⁷ Аналогичную картину мы видим и в другом балтском языке, где лтш. *tĩrgus* означает рынок или торгов. Однако ареал распространения этого слова еще больше. Эст. *turg*, равно как и фин. *turku*, рынок, происходит также от *торг* < *тѣргъ*³⁸, причем в последнем случае от этого же славянского слова происходит и название крупного финского приморского города Турку, что указывает на то, что торговля славян со своими соседями велась не только по суше, но и по морю. На последнее указывает и созвучие названия славян у финно-угров (эст. *Wend*, *Wene*, фин. *Venat*, *Venaja*) с названием ладьи в этих же языках: эст. *wene*, фин. *vene*, *venhe*, куро-лив. *veni*, а также фин. *venheelainen*, *venelainen* – «ладейщик»³⁹. Тот факт, что из четырех крупных языковых общностей, живших на берегах Балтийского моря, три заимствовали само понятие торговли от четвертой, не оставляет никакого сомнения в том, кто именно был ведущей силой в торговле в данном регионе.

При описании распределения земель Фроном III между подвластными ему королями, Холмгардия (*Holmagardie*), куда он назначил Олимара, напоминает скандинавское

³⁵ Шаровольский И.В. О славянских заимствованиях в северных германских языках // Изборник Киевский. Киев, 1904. С. 5.

³⁶ Там же. С. 31.

³⁷ Пащуто В. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 249–284.

³⁸ Финский язык // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 71. М., 1993. С. 25.

³⁹ Трусман Ю. Русские элементы в Эстляндии в XI–XIV вв. // Временник Эстляндской губернии, 1893. Кн. 1. Ревель, 1894. С. 76.

название Новгорода Хольмгард. Эта ассоциация усиливается за счет того, что Онев был назначен в Коногардию, по всей видимости, искаженное скандинавское название Киева – Кэнугард. Однако, возможно, здесь имеется позднее перенесение известных скандинавам названий крупнейших городов Древнерусского государства на прибалтийские топонимы, поскольку место с названием Holm известно южнее Риги⁴⁰. В пользу этого предположения говорит и то, что Онев не называется в числе рутенских королей, в то время как другому рутенскому королю Дату, единственному кроме Олимара выжившему в морской битве с данами, поручается Эстония.

Описание великой империи Фротона III от Рейна до Руси, в результате чего Балтийское море фактически превратилось в датское озеро, естественно представляло собой патристический вымысел Саксона Грамматика. На это указывает как сам текст «Деяний данов», так и полное молчание об этой империи других источников. В рассказе о сборе продовольствия говорилось, что Олимар собирал для Фротона III дань в Швеции, другие короли в Норвегии и на Оркадах, однако ничего не говорится, что кто-то из них собирал для датчан эту дань на Руси. Ни о каких заморских владениях данов не вспоминали впоследствии в Средневековье и сами датские конунги, в том числе и известный своими амбициями Годфрид. Утверждение о покорении Руси Саксон Грамматик невольно опровергает сам в своей следующей за описанием войны с гуннами книге. Там хронист отмечает: «После смерти Фротона даны, ошибочно считая, что Фридлав, который воспитывался на Руси (Rusciam), погиб и, следовательно, нет наследника и никого из королевского рода, кому могла бы перейти власть, решили присудить власть достойнейшему, который на похоронах короля пропел бы над свежей могилой песнь в его честь, передавая потомкам в блестящей форме славу деяний усопшего»⁴¹. Сообщение более чем странное, из которого следует, что Фротон своего единственного сына отдал на воспитание правителю Руси, а после его смерти датчане считали этого сына погибшим. Очевидно, что единственного наследника престола, от которого зависит продолжение рода, не отдают на воспитание побежденному врагу, пусть даже последний и сделался вассалом. Понятно, что при малейшем осложнении отношений воспитанник мгновенно превратится в заложника, которым можно будет шантажировать короля-отца. Создается впечатление, что Саксон Грамматик чего-то не договаривает. Нахождение единственного сына Фротона на Руси, скорее всего, может быть объяснено тем, что он действительно находился там в заложниках, почему и считался погибшим. В заложники обычно брали сыновей покоренных правителей, однако наш автор однозначно говорит о победе данов сначала над рутенами, а затем и над гуннами. Не отрицая возможности морской победы датчан, можно высказать предположение, что Фридлав был отдан в заложники отцом в обеспечение соблюдения датчанами заключенного с Олимаром соглашения. Во-первых, как уже отмечалось выше, сражение с гуннами отнюдь не было той эпохальной битвой, как она описана в «Деяниях данов», а локальной победой. Если это было так, то гунны вполне могли вновь собраться с силами и в союзе с русами опять напасть на данов. Для предотвращения возобновления русско-гуннского союза Фротон вполне мог пойти на заключения мира с Русью. Во-вторых, отдельные источники отмечают начавшееся движение русов на запад. В том же труде Саксона Грамматика при описании сухопутной битвы с гуннами упоминаются «три великие реки Руси», запруженные трупами в первый же день сражения. Поскольку битва происходила, скорее всего, где-то относительно недалеко от Дании, а Русь до этого однозначно локализовывалась в Восточной Прибалтике, это упоминание свидетельствует о появлении русов где-то на территории Восточной Германии или сопредельных с нею стран. Совершенно независимо «Деяний данов» немецкие генеалогии говорят о браке

⁴⁰ Baltija... Kurseme un Widseme latweeschu dafē Latweeschu Inrika laika 1200 un wehlaku lihds 1300 P. Riga, 1890.

⁴¹ *Saxonis Grammatici. Gesta Danorum*, Strassburg, 1886. S. 172.

короля Алимера с Идой с острова Рюген⁴². С учетом того, что данный остров, как будет показано ниже, впоследствии назывался островом русов, можно предположить, что данный брак также обеспечивал продвижение русов на запад. Следует отметить, что, согласно немецким генеалогиям, уже упоминавшийся выше Радегаст, отправившийся в поход на Рим, вел свою родословную именно от данной пары. В подобных условиях и русы были заинтересованы в нейтралитете датчан, которые могли помешать их продвижению на запад. Все это создавало основания для заключения договора между Олимаром и Фротоном, для обеспечения действенности которого датский король и отдал в заложники своего единственного сына. По этому взаимовыгодному договору в обмен на обещание русов не вступать в новый союз с гуннами даны гарантировали Олимару не препятствовать укреплению позиций русов на западе. Другого правдоподобного объяснения того, почему после победы на море сын датского короля оказывается на воспитании у потерпевшей поражение стороны, не существует. Отметим, что движение русов на запад на Балтийском море наиболее естественным образом объясняет полное молчание о них античных писателей, описывавших события Великого переселения народов.

Эти авторы описывали преимущественно события, происходившие на территории Восточной и Западной Римской империи, а также в приграничных к ним областях, события же на далекой периферии варварского мира зачастую оставались им неизвестными. С другой стороны, датские и немецкие источники хоть и записывались много позже изложенных в них событий, однако сообщают о событиях, происходивших в регионе Балтийского моря. Поскольку они не являются одновременными с описываемыми событиями, их необходимо подвергать критическому анализу и по возможности сопоставлять с другими источниками с целью выявления содержащейся в них достоверной информации.

В очередной раз русы упоминаются Саксоном Грамматиком в связи с подвигами Старктера – своего рода скандинавского Геракла. Как и положено легендарному странствующему герою, он всюду одерживает победы. Покорив многие земли, Старктер вместе со своим другом Бемоном «в стремлении к верховной власти вторглись также на Русь (*tyrannico Rusciam inuasissent*, в английском переводе – *they invaded Russia also in their lust for empire*)»⁴³. Местные жители, мало полагаясь на свои стены и оружие, насыпали на землю острые гвозди, надеясь поранить ступни нападавших, боясь сопротивляться им в открытой борьбе. Однако даны разгадали хитрость и посрамили рутенов. Они прикрепили деревянные подошвы к своим ступням и зашагали по шипам. «Затем, проникнув в непроходимые гористые места и густые леса, они изгнали предводителя рутенов Флокка (*Ruthenorum principem Floccum*) из его лесного убежища, в котором он скрывался. Они завладели там столь богатой добычей, что не было никого, кто ушел бы, не нагрузив флот золотом и серебром»⁴⁴. Хоть друзья и захватили на Руси богатую добычу, однако о том, чтобы они установили там свою власть, к чему первоначально они, если верить хроники, стремились, Саксон Грамматик ничего не сообщает. Во время своего другого похода на восток Старктер победил отважного прославленного воина по имени Висин (*Wisinnus*). Последний поселился на находящейся на Руси скале (*Rusciam garum*), называемой Анафиал (*Anafial*), и терроризировал все окрестные земли. Обладая колдовской способностью затуплять оружие противника своим взглядом, Висин, не страшась ран, похищал жен у знатных мужей и совершал над ними насилие. Слух о его злодействах дошел до Старктера, и тот отправился на Русь (*Rusciam*), чтобы уничтожить преступника. Закрыв лезвие своего меча тонкой кожей, чтобы на него

⁴² *Buchholtz S. Versuch in der Geschichte Herzogthums Mecklenburg, Rostock, 1753. S. 40.*

⁴³ *Saxonis Grammatici. Gesta Danorum. Strassburg, 1886. S. 185.*

⁴⁴ *Ibid. S. 185.*

не мог упасть взгляд колдуна, датский герой бросил вызов Висину и убил его⁴⁵. Понятно, что точно датировать время жизни эпического героя подчас бывает непросто, тем более что, согласно скандинавской же традиции, Один даровал Старкату целых три жизни. Тем не менее можно отнести время его жизни к эпохе Великого переселения народов. Во-первых, сам Саксон Грамматик говорит о службе Старкатура королю Фротону III, а также о том, что часть своих подвигов герой совершил уже при правлении сына победителя гуннов Фридлава. Во-вторых, уже во «Второй песне о Хельги», входящей в Старшую Эдду, упоминается о гибели Старкада, сына конунга Гранмара⁴⁶. Специалисты относят время жизни Хельги, которому посвящена данная песнь, к V в. н. э.⁴⁷

Однако Саксон Грамматик честно отмечает, что не только даны совершали далекие заморские походы на Русь, но и сами страдали от ответных набегов русов. В следующей книге «Деяний данов» он сообщает: «В это время Рот, рутенский морской разбойник (Rotho, Ruthenorum pirate), почти опустошил нашу страну своим грабежом и жестокостью»⁴⁸. Естественно, что те же самые действия, какие со стороны датских конунгов и героев были для создателей саг доблестью и героизмом, со стороны русских были для них жестокостью и грабежом. Интересно отметить, что имя Рота перекликается с названием крепости Роталы, упоминаемой в первом рассмотренном нами фрагменте хроники. Кроме того, Саксон Грамматик приводит такую подробность: иногда Рот закреплял правую ногу пленника на земле, а левую привязал к ветвям дерева и разрывал тело несчастного⁴⁹. Эта подробность напоминает нам о способе казни древлянами Игоря, который, согласно сообщению Льва Диакона, «был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое»⁵⁰. Датский принц Хане, желая завоевать почет и славу, попытался напасть на Рота, но был обращен им в бегство. Тогда Боргар, который не мог видеть больше гибель своих соотечественников, встретился с Ротом и пал вместе с ним в битве. В этой же битве был ранен и Хальдан, о котором впоследствии Саксон Грамматик сообщает, что он пришел на помощь русам в их войне со шведами: «Но когда он услышал, что идет яростная война между Альвером, королем Швеции (Alueram Suetie regem), и рутенами (Rutenosque), он немедленно направился на Русь (Rusciam), предлагая помощь местным жителям, и был принят всеми с величайшей честью»⁵¹. Данный фрагмент имеет чрезвычайно важное значение. Дат у Саксона Грамматика нет, но, поскольку история Хальдана рассказывается им в седьмой книге своей хроники, а в предыдущей, шестой книге описывалась война с гуннами, война русов со шведами, в которой принял участие датский воин, явно имела место еще до возникновения Древнерусского государства. Любой непредвзятый читатель видит, что шведы и русские-рутены фигурируют в данном тексте как два совершенно различных народа. Очевидно, что датский автор, хорошо зная своих шведских соседей, не стал бы указывать в качестве отдельного народа каких-то шведских «гребцов», решивших воевать с собственным королем. Однако именно этими «гребцами» норманисты пытаются объявить древних русов. Как видим, против норманистской гипотезы о руотси совершенно однозначно свидетельствует сама скандинавская традиция. В связи с Хальданом автор «Деяний данов» добавляет еще одну подробность: находясь после этой войны на Руси (Rusciam), Хальдан узнает от торгов-

⁴⁵ Ibid. S. 187.

⁴⁶ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 262–263.

⁴⁷ Там же. С. 683.

⁴⁸ *Saxonis Grammatici. Gesta Danorum*. Strassburg, 1886. S. 241.

⁴⁹ Ibid. S. 242.

⁵⁰ Лев Диакон. История. М., 1988. С. 57.

⁵¹ *Saxonis Grammatici. Gesta Danorum*. Strassburg, 1886. S. 243.

цев о предстоящей свадьбе своей возлюбленной, оставшейся в Дании⁵². Данное замечание показывает, что между Русью и Данией в ту давнюю эпоху существовала еще и какая-то торговля, а не только взаимные нападения.

Рассказывая далее о скандинавском конунге Оле, участвовавшем в Бравальской битве, Саксон Грамматик отмечает, что телохранителями ему служило семь королей, к числу которых он относит и Регнальда Рутенского, внука Ратбарта (Regnald Ruthenus, Rathbarthi nepos, английский перевод – Regnald the Russian)⁵³. Имя последнего представляет собой, по всей видимости, искаженное написание славянского имени Ратибор. В качестве правителя Руси он упоминается в более поздней «Саге о Скъёльдунгах». Изложенная в ней родословная, равно как и степень ее достоверности, была рассмотрена нами в исследовании о «римской» генеалогии Рюриковичей. Здесь лишь отметим, что сопоставление этой саги с текстом Саксона Грамматика позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, поскольку Бравальская битва происходила между данами и шведами, то, специально отмечая, что Регнальд был рутеном, Саксон Грамматик в очередной раз недвусмысленно подчеркивает отличие этого народа от скандинавов. Во-вторых, поскольку саги называют деда Регнальда Ратбарда конунгом Гардарики, то есть знакомой скандинавам средневековой Руси, то, называя его внука рутеном, автор «Деяний данов», по сути, прямо указывает, что описанные им прибалтийские русы тождественны современному ему русским из Киевской Руси. Следует отметить, что это не единственное отождествление обеих групп русов у данного писателя. Еще В.П. Шушарин отмечал, что сообщение Саксона Грамматика о разграблении торгового флота русов (Ruthenorum) в Шлезвиге датским князем Свеном в 1157 г. можно сопоставить со свидетельствами новгородской летописи о гибели семи людей, возвращавшихся «с Готъ» в 1130 г., о заточении новгородцев датчанами в поруб в 1134 г. и о нападении шведов на возвращавшихся морем купцов в 1142 г.⁵⁴ Таким образом, анализ текста «Деяний данов» показывает, что прибалтийские русы, войны которых с данами в незапамятные времена он описывал, и жители Древней Руси были для Саксона Грамматика одним народом, который обозначался им одним именем.

Однако прежде чем попробовать сделать более общие выводы из данных, содержащихся в «Деяниях данов», следует обратиться к другим источникам, которые могут подтвердить достоверность рассмотренных фрагментов данной хроники. Следует сразу отметить, что другие источники прямо не говорят о русском королевстве в Прибалтике в интересующую нас эпоху. Тем не менее, рассказывая о странствиях готов до начала их появления на Черном море, «Сага о гутах» приводит такое описание их пути: «Отправились они оттуда на один остров близ Эйстланда, который зовется Дате. И поселились там. И построили там крепость, которая все еще видно. И там не могли они себя прокормить. Оттуда отправились они вверх по той реке, что зовется Дюна (Западная Двина. – М.С.). И вверх через Рюцаланд (Ruza land – Русь) так далеко уехали они, что пришли они в Грикланд»⁵⁵. Хоть рукопись саги датируется XIV в., однако специалисты уверены, что сам текст в его нынешней форме был создан в первой четверти XIII в. Несмотря на то что эта сага была записана достаточно поздно и ее составитель мог перенести в текст современные ему географические названия, однако она основана на фольклорном источнике, содержит подробности, отсутствующие у Иордана, и, что достаточно интересно, дает название Руси не в той форме, в которой она встречается в остальных скандинавских памятниках того времени, а через *z*, что соответствует древненемецкой традиции. Из текста саги непонятно, находился ли Рюцаланд непо-

⁵² Ibid. S. 245.

⁵³ Ibid. S. 260.

⁵⁴ Шушарин В.П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964. С. 83.

⁵⁵ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 5. М., 2009. С. 185.

средственно на Западной Двине или в глубине Восточной Европы, однако в представлении ее создателя Русь существовала в эпоху начала переселения готов на юг, то есть уже в III в. н. э.

Как видим, подлинные скандинавские источники не только опровергают тенденциозные построения норманистов, но и указывают на существование Руси в догуннскую эпоху. Если мы прибавим к ним еще и немецкую сагу о Тидреке Бернском, также говорящую о существовании Руси во времена Атиллы, которая будет рассмотрена ниже, то мы увидим, что германо-скандинавская эпическая традиция совершенно независимо друг от друга и в связи с совершенно разными сюжетами свидетельствует о том, что Русь уже существовала в Восточной Европе в первые века н. э. Понятно, что какой-то один автор сказания мог произвольно перенести современные ему географические и политические реалии в прошлое, однако вероятность этого значительно уменьшается для трех произведений, созданных в разных странах. Поскольку германо-скандинавские племена были ближайшими неславянскими соседями Руси на западе, от этого единодушного свидетельства немецкой саги о Тидрике, датских саг, легших в основу труда Саксона Грамматика, и шведской «Саги о гутах» нельзя просто так отмахнуться.

Глава 2

Венеды, русы, знаки Рюриковичей и славянские боги в средневековой Прибалтике

Когда Саксон Грамматик заканчивал свою хронику, немцы открыли для себя морской путь в Восточную Прибалтику и приступили к покорению этого региона. Богоугодное дело порабощения язычников и обращения их в истинную веру было описано Генрихом Латвийским (1187–1259). Если значительная часть «Деяний данов» была посвящена древним преданиям, то написанная вторым автором «Хроника Ливонии» повествовала о недавно свершившихся событиях, в результате чего рассматривается современными исследователями как гораздо более достоверный источник. При описании событий 1206 г. немецкий хронист для объяснения ситуации в регионе делает небольшой экскурс в прошлое и сообщает читателям: «Венды в то время были бедны и жалки: прогнанные с Винда, реки в Куронии, они жили сначала на Древней Горе, у которой ныне построен город Рига, но оттуда были опять изгнаны курами; многие были убиты, а остальные бежали к лэтгам, жили там вместе с ними...»⁵⁶ Из этого отрывка мы узнаем, что где-то по соседству с куршами, то есть там, где, согласно Саксону Грамматику, находилась некогда Прибалтийская Русь, жило племя вендов на реке, названной, по всей видимости, в честь этого племени. Сама эта река также находится недалеко и от мыса Колка-Русбей. Вендами сначала во франкских, а затем и в немецких хрониках традиционно называли славян, и Генрих Латвийский не мог этого не знать. В другом месте своего труда он говорит о мекленбургском князе Генрихе, именуя его «Генрих Боровин, знатный человек из Вентланда»⁵⁷, обозначая последним названием подчиненные датчанам земли западных славян на территории современной Германии. Следовательно, называя так это племя с берегов реки Винда (современная Вента) на территории современной Латвии, Генрих Латвийский указывал на его славянское происхождение. Некоторые прибалтийские археологи пытаются трактовать это племя как балтское, лишь названное по имени данной реки, однако это утверждение идет вразрез как со всей традицией немецкого летописания, так и оставляет без ответа вопрос: почему река в Латвии была названа именем, созвучным названию славян у немцев и финно-угров? Более того, переселившись на новое место, венды основали крепость, которую называли Венден и у которой потом был построен замок немецкого ордена меченосцев⁵⁸. На страницах «Хроники Ливонии» упоминается еще один населенный пункт, носивший название в честь данного племени, – Вендекулле⁵⁹. Как отмечал впоследствии Я. Эндзелинь, в Цесисском уезде существуют названия Vindele, Vindecas, VintieSi, Vindeddzes; в Рижском уезде: Venezis, Vinda; в Валмиерском уезде: Vente, Vindens, Ventere⁶⁰. Подобная настойчивость в наименовании населенных пунктов на новом месте была бы достаточно странной, если бы не река Винда получила название от жившего на ней племени, а, наоборот, сама дала название данному племени. «Вполне очевидно, – отмечает В.В. Седов, – что название города Венден произошло от этнонима венды. Эсты называли его Венолинн, что в переводе означает “город вендов”. Старый замок вендов отождествляется некоторыми исследователями с городищем Риекстукалнс и Цесисе. В «Хронике Ливонии» упоминается еще Wendeculla, в документе 1388 – Wendeculle, т. е. в буквальном пере-

⁵⁶ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М. – Л., 1938. С. 94.

⁵⁷ Там же. С. 178, 301, примеч. 186.

⁵⁸ Там же. С. 286.

⁵⁹ Там же. С. 131.

⁶⁰ Endzelins J. Latvijas vietu vardi. 1. d. Vidzemes vardi. Rīga, 1922. P. 17, 24, 30, 83, 88, 109, 111.

воде “деревня (или селение) вендов”. Исследователи обычно локализуют это поселение в окрестностях Турайды, где в более поздних источниках упоминаются еще топонимы *Ventas* и *Wending*.

Таким образом, есть все основания считать, что в начале XIII века остатки вендов проживали в бассейне Гауи в окрестностях Вендена-Цесиса и Турайды. Вместе с тем не подлежит сомнению, что первоначально областью их расселения был регион реки Венты. В источниках под 1253 г. называется “земля Винда”, которая надежно локализована была еще А. Биленштейном в низовьях Венты. В этой связи допустимо предположение, что венды проживали здесь не только до переселения основной массы их на берега Даугавы, потом Гауи, но и позднее. По-видимому, какая-то часть вендов осталась в низовьях Венты, образуя в XIII веке отдельную небольшую историческую область – “землю Винда”. Еще в XIX веке этнографическая группа латышей, проживавшая как раз в этом регионе Северной Курземе, именовалась “вентинами”⁶¹. Окончательно устраняют все сомнения данные топонимики и гидронимии. «Название притоков Венты – Луша, Жижма, Шеркшня, Вардава – звучат по-славянски», – подчеркивал Д.К. Зеленин. Этот же ученый обратил внимание на то, что и в названии Западной Двины, главной водной артерии Латвии, также звучит славянский корень, а само это название находит разительную аналогию в Северной Двине в зоне новгородской колонизации. Говоря о названии реки, на которой первоначально жили венды, он отмечает: «Есть основания полагать, что и имя р. Вента (Виндава) в Курляндии, при устье которой расположен основанный в 1343 г. Вентспильс (Виндава), также связано с именем вендов, т. е. балтийских славян. Во всяком случае, местные предания и саги часто вспоминают о прежнем “вендском” населении этого края»⁶². Рассматривая другие заимствования из славянского языка в латвийской гидронимии и микропонимии, В.Ф. Дамбе отмечает: «Также интересно отметить, что онимы в западной части Латвии, особенно в Курземе, иногда ближе к западославянским, см., напр., корни *kal-*, *lang-*, *malk-* и др.»⁶³. Следы славянского влияния в восточной части Латвии легко объясняются многовековым соседством с Русью, однако это объяснение не подходит ее западной части, никогда не бывшей зоной интенсивных русско-латышских контактов. Тем более неожиданной оказывается близость отмеченных корней не к восточно-, а к западославянским языкам. И эти примеры далеко не единственны. Опять-таки в Курземе, в юго-западной ее части, зафиксировано название города *Gruobina*, связанное с рус. *граб*, *грабима*, полаб. *grobe*; на западе Латвии встречаются озера с названиями *Kvīcu*, *Kvīcu ezeri*, родники *Kvīces avoti* и др., лежащий в их основе корень – *kvic(i)* – происходит от глагола *kvītet*, «мерцать, блеснуть», и связан с рус. *цвети*, др. – чеш. *kvistí*. В западной части, главным образом в Курземе, часто встречаются микропонимы *Puosa*, *Puocas* и т. п. в названиях хуторов, болот, гор и долин, а корень – *puos-/puosc-* оказывается родственен др. – рус. *пуща*, чеш. *roust*, «глухое, пустынное место». Вновь в основном в Курземе отмечены хутора с названиями *Remess*, *Remesi* и т. д., производными от рус. *ремесло*, ст. – слав. *remъstvo*; в Курземе и Земгалии известны озеро *Malkas ezeri* и болотистый луг *Malkas purvs*, названия которых сопоставляются со словен. *mlaka*, «болото, мокрый луг», серб. – хор. *mleo*, «лужа, болото», словен. *mlaka*, «лужа», укр. *mloka*, «болото»⁶⁴. Опять-таки к славянскому языку восходит название Бреславль (*Breslau*) в

⁶¹ Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994. С. 68–69.

⁶² Там же. С. 87.

⁶³ Дамбе В.Ф. Славянские следы в латвийской гидронимии и микропонимии // Балто-славянские исследования, 1980. М., 1981. С. 161.

⁶⁴ Там же. С. 159–160.

Курляндии⁶⁵. Как видим, названия местностей и водных источников фиксируют достаточно интенсивные контакты между куршами и какими-то славянами в западной части Латвии.

Однако славянское влияние в указанном регионе этим не ограничивается. Литовский языковед К. Буга отмечал, что само название куршей, *kursas*, связано с укр. *корс*, «раскорчеванный участок»⁶⁶. Показательно, что это не единственный пример славянского влияния на сельскохозяйственную терминологию в данном регионе Латвии. Так, куршское областное слово *lanka*, «приречный или низкий луг», отразившееся в названии лугов, речек и хуторов *Lanka, Lankas, Lankis, Lancenieki* на западе Латвии, восходит к ст. – слав. *лакѣ*⁶⁷. Лингвисты отмечают наличие и особых славяно-латгалско-селено-куронских изолекс⁶⁸. Славянское влияние на куршей прослеживается и в трансформации погребального обряда последних. «Вскоре традиционный для куршей обряд трупоположения начинает вытесняться новым ритуалом кремации умерших, что было весьма характерно для славянского мира дохристианской поры. Новая обрядность сначала появляется в северных районах обитания куршей (в бассейне Венты и в смежных землях). (...) И все же можно полагать, импульсом в распространении обряда кремации среди куршского населения была обрядность славян-вендов-вендов. Иного объяснения пока нет»⁶⁹, – заключает рассмотрение данной темы В.В. Седов. Отмечая трудность выделения прибалтийских славян, материальная культура которых в свою очередь испытывала сильное влияние со стороны соседних балтских и финно-угорских племен, этот исследователь обратил внимание на еще одну специфическую особенность, встречающуюся во всех трех регионах, где проживание вендов отмечают письменные источники: «В поисках следов расселения вендов следует обратить внимание на распространение чуждого местному населению курганного обряда, зафиксированного во всех трех регионах проживания этого этноса – в Северной Курземе, на нижней Даугаве в окрестностях Даугмале, на Гауе в районе Венден и Турайды. Основными погребальными памятниками придауговских и гауяских ливов, так же как и латгалов, являются фунтовые могильники. Появление среди них курганных захоронений до сих пор не находило какого-либо объяснения. (...) В общем эти курганы, как и могилы в целом, абсолютно ничем не отличаются от славянских курганных памятников, распространенных как на Русской равнине, так и в западнославянском ареале. (...) Интересно, что местное население еще в XIX в. называло эти курганные могильники “*krievu kapu*”, т. е. “русскими могильниками”»⁷⁰. В связи с этой особенностью следует вспомнить и о кургане, насыпанном, согласно Саксону Грамматику, над могилой Боя. Это свидетельство датского хрониста говорит о том, что данный погребальный обряд был свойствен и Прибалтийской Руси.

Суммируя средневековые данные, связанные с латвийскими вендами, Н. Харузин пишет: «Писатели XIII в. еще упоминают о целом ряде местностей в западной части современной Курляндской губернии, где жили балтийские славяне. Они называют следующие местности: Винда, Бихафеланк, Виндаве, Довзаре, Заггара, Цеклис, Пильзатен и Мекгове, из городищ балтийских славян упоминаются следующие: Кретен, Ампилен, Мутене, Грезен, Амботен, Гробен, Ассобетен, Кульдика и Вентеспилс»⁷¹. Анализируя их расположение, он

⁶⁵ Харузин Н. Обзор доисторической археологии Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губерний по трудам местных исследователей // Временник Эстляндской губернии, 1893. Кн. 1. Ревель, 1894. С. 230.

⁶⁶ Buga K. *Kalb ir senove*. 1. Kaunas, Svetimo Min. leidinys, 1922. T. 1. P. 210.

⁶⁷ Дамбе В.Ф. Славянские следы в латвийской гидронимии и микропонимии // Балто-славянские исследования, 1980. М., 1981. С. 158.

⁶⁸ Брейдак А.Б. Древнейшие латгалско-селено-славянские языковые связи // Балто-славянские исследования, 1980. М., 1981. С. 44–45.

⁶⁹ Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994. С. 77.

⁷⁰ Там же. С. 82, 85.

⁷¹ Харузин Н. Обзор доисторической археологии Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губерний по трудам

отметил, что Гробин и Венден находились недалеко от моря, а Вентеспилс вообще был «первой и древнейшей гаванью Курляндии». Важную экономическую роль должно было играть и основанное вендами городище на Древней Горе, отождествляемое археологами с городищем Даугмале, около которого впоследствии была основана Рига. С другой стороны, древние укрепления Грезен и Гольдинген находились далеко вверх по течению Виндавы и служили для осуществления контроля над всем течением реки. Такое же значение имел и Венден, господствовавшей над лифляндской рекой Аа (современная Гауя). Исследователь пришел к следующему выводу: «Скудные сведения, которые мы имеем о поселении в местном крае балтийских славян, достаточны, однако, чтобы служить доказательством, что целью колонизаторов было стремление иметь в своей власти наиболее важные торговые пути»⁷². С IX–X вв. Даугава и Гауя включаются в систему балтийско-волжской торговли, о чем свидетельствуют находки там арабских дирхемов⁷³. Интересно отметить, что средневековые суда, найденные в двух латвийских реках, на которых проживали венеды, а именно в Венте и Гауе, практически полностью идентичны аналогичным судам, найденным в Волхове⁷⁴, что лишний раз подчеркивает теснейшую связь славян Варяжского моря между собой. Это также свидетельствует и о наличии у прибалтийских вендов речной и морской торговли.

Таким образом, мы видим, что много веков спустя после описанных Саксоном Грамматиком событий в том же регионе Латвии по соседству с куршами проживало славянское население, точно так же проявлявшее заметный интерес к торговле. Достоверность сведений о нем Генриха Латвийского подкрепляются многочисленными данными топонимии и гидронимии, сравнительным языкознанием и археологическими данными. Преследуемые местными балтскими племенами, остатки вендов стали наемным войском у немецких рыцарей, чем-то наподобие варягов на Руси в более раннюю эпоху. Вражда с местным населением привела к тому, что они встали на сторону новых заморских пришельцев. Уже Генрих Латвийский отмечает, что в 1224 г. в окрестностях укрепленного крестоносцами нового города Вендена, основанного вблизи старого славянского замка, было «множество вендов и латгалов, которые уже прочно освоили христианскую веру». В конечном итоге остатки вендов окончательно растворились среди местного населения, оставив о себе память в виде многочисленных названий. Однако между русами Саксона Грамматика и вендами Генриха Латвийского есть не только общее, но и различное – последние в «Хронике Ливонии» никогда не именуются русами.

Однако и это несовпадение является не столь непреодолимым, как это может показаться на первый взгляд, при внимательном чтении данного произведения. Выше уже приводилось сообщение Генриха Латвийского о том, что после своего вторичного изгнания венды «бежали к лэттам, жили там вместе с ними». Лэттами «Хроника Ливонии» называет латгалов. При описании событий 1208 г. Генрих Латвийский упоминает некоторых их старейшин, один из них носит весьма показательное имя: «Когда уже вся Ливония и Лэтигаллия были окрещены, старейшины лэгтов, Руссин из замка Сотеклэ, Варидот из Аутинэ, Талибальд из Беверина, а также Бертольд, брат-рыцарь из Вендена, послали гонцов к эстам...»⁷⁵ Интересующий нас старейшина лэгтов неоднократно еще упоминается на страницах хроники, причем однажды ему дается такая показательная характеристика: «Руссин, храбрый из

местных исследователей // Временник Эстляндской губернии, 1893. Кн. 1. Ревель, 1894. С. 229.

⁷² Там же. С. 230.

⁷³ Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X – XIII вв. Рига, 1965. С. 98, 108.

⁷⁴ Лукошков А.В. Конструктивные особенности найденных на дне Волхова древненовгородских судов в контексте традиций балтийского судостроения // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 224.

⁷⁵ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М. – Л., 1938. С. 107.

лэттов»⁷⁶. Весьма ценно и упоминание Руссина хронистом при описании событий 1212 г.: «Между тем Руссин, выйдя на замковый вал, заговорил с венденским магистром Бертольдом, своим *драугом*, то есть товарищем...»⁷⁷ Хотя, как отмечают комментаторы, латв. *draugs* звучит почти так же, как и русское *друг*, однако, поскольку Руссин говорил именно с венденским магистром, он воспользовался, скорее всего, языком вендов, с которым магистр мог быть хотя бы частично знаком. Приведенная Генрихом Латвийским подробность может указывать на то, что прибалтийские венды говорили по-славянски. Имя этого старейшины однозначно указывает на русов, на что обратили внимание еще ученые XIX в., рассматривая его как русское прилагательное, если и не русского происхождения, то как след русского влияния в языке⁷⁸. Наблюдение совершенно правильное, однако его необходимо несколько уточнить. Дело в том, что жителей Киевской Руси, равно как и современных русских, латыши зовут не русскими, а по имени ближайшего к ним восточнославянского племени *krievs*, «русский» (буквально «кривич»), а нашу страну *Krievija*, «Россия». Аналогичным образом называют русских и литовцы – *krievai*⁷⁹. Жившие на территории Латвии ливы также звали русских *krievoz*⁸⁰. С другой стороны, эстонцы и финны зовут русских *Vene*, *Venaa* или *Venaja*, то есть «венеды»⁸¹. Таким образом, мы видим, что русских по их собственному имени в Восточной Прибалтике не зовет никто. Следовательно, появление имени Руссин среди старейшин лэттов хоть и является результатом русского влияния, однако оказавшие это влияние русские были не с территории Киевской Руси. Другой единственной известной нам Русью здесь была Прибалтийская Русь, описанная Саксоном Грамматиком. При этом следует иметь в виду, что, несмотря на последующее многовековое немецкое господство в данном регионе, никто из потомков лэттских вождей не называл своего сына Тевтоном или Германиком. Следовательно, имя Руссин указывает на родовую принадлежность, а не на политическое влияние. Необходимо подчеркнуть, что данный случай не единственный и мы имеем другие примеры использования корня – *рус-* в Прибалтике как в личных именах, так и в обозначении географических названий. В окрестностях Вендена, то есть именно в том регионе Латвии, куда в конечном счете переселились остатки венедов, также были зафиксированы мызы с названиями *Ruzzfi*, *Lublin*, *Drobbusch* (по-латышски *Drabbussche*, сравниваемая Ф. Святным с русским городом Трубеш) и *Serben*⁸². Несколько столетий спустя рассмотренного выше случая, около 1542 г., в Таллине в семье извозчика родился Бальтазар Руссов (*Russow*), написавший «Хронику Ливонской провинции». Следует отметить, что каких-то русских письменные источники фиксируют в Таллине, называвшемся прежде Ревелем, гораздо раньше. Так, уже в булле папы Григория IX в 1234 г. осуждаются действия рыцарей, которые в 1232–1234 гг. силой отняли три части Ревельского замка у вассалов церкви, часть из которых они убили. С целью устрашения рыцари запретили хоронить тела убитых «для вящего осрамления церкви, пока с течением времени новообращенные и другие приходили смотреть на такого рода зрелище, чтобы казаться перед новообращенными, русскими и язычниками, сильнее римской церкви»⁸³. Кем были эти русские, однозначно определить трудно, однако текст буллы позволяет понимать их как новообращенных. Если это так, то это

⁷⁶ Там же. С. 109.

⁷⁷ Там же. С. 145.

⁷⁸ Там же. С. 276.

⁷⁹ Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 44.

⁸⁰ *Livokiel-letkiel-livokiel sonarontoz. Libiesu-latviesu-libiesu vardnica*. Riga, 1999. S. 73.

⁸¹ Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 25.

⁸² Святной Ф. Дополнения к статье «Что значит в Несторовой летописи выражение “поидоша из Немец”, или Несколько слов о Варяжской Руси». СПб., 1845. С. 47.

⁸³ Трусман Ю. Русские элементы в Эстляндии в XIII–XIV вв. // Временник Эстляндской губернии, 1893. Кн. 1. Ревель, 1894. С. 60.

вряд ли были купцы из Киевской Руси, уже исповедовавшие христианство и едва ли ставшие переходить в католичество. С другой стороны, «вскоре после взятия Ревеля рыцарями к ревельскому Михайловскому монастырю была приписана богатая русская деревня Вендефер (т. е. русский конец)»⁸⁴, которая, как предполагают некоторые исследователи, составила одну из четырех частей средневекового Ревеля. О связи эстонских венедов с мореходством указывает то, что в упомянутом в Средние века к югу от Ревеля имении *Wenekula* документ 1472 г. фиксирует название *Schiffers Land*, то есть «земля корабельщика»⁸⁵. Таким образом, мы видим, что не только на территории Латвии, но и на территории Эстонии венеды оказываются как-то связаны с русскими, что находит отражение и в личных именах. Упоминание корней – *венд-* и – *рус-* поблизости друг от друга фиксируется и в другом случае: «Затем в Трейденском приходе в 1388 упоминается дер. *Wenedeculla seu Watendorff* (т. е. русская или водьская деревня), когда она переходит через продажу рижскому пробсту и капитулу. Наконец в той же местности на границе между Роденпойсом и Зегевольдом упоминается в 1404 году река *Ruschenbeke*, ныне у латышей *Kreewurpe*, т. е. русская река»⁸⁶. Последнее обстоятельство весьма ценно, поскольку показывает, что первоначально эта река называлась собственно «русской» и лишь впоследствии стала зваться «кривской». Данный случай наглядно демонстрирует древность употребления корня – *рус-* в Прибалтике, равно и то, что хоть первоначально он не связывался с Киевской, а затем и с Московской Русью, однако впоследствии латышское название русских было перенесено на этот гидроним. Это обстоятельство предполагает наличие какой-то связи в глазах местного населения между изначальной Прибалтийской Русью и средневековым Русским государством.

В связи с тем, что Ревель в Древней Руси был известен под именем Колывань, весьма интересно, что в некоторых наших былинах Святогор наделяется отчеством Колыванович⁸⁷. О том, что это не случайное созвучие, говорит и целый ряд сюжетных совпадений между образами Святогора и эстонского Калевипоэга. На основании этого В.Ф. Миллер даже предположил, что «наш былинный Святогор является только в незначительной степени обруселым финским, точнее эстонским богатырем»⁸⁸. Хотя предположение о том, что эстонский эпос повлиял на русский, более чем сомнительное – эпос эстонских племен, так и не достигших государственности, вряд ли мог повлиять на эпос соседнего великого народа, для которого заимствования подобного рода явно не относились к числу престижных; однако совпадение сюжетов достаточно интересное, которое может свидетельствовать о том, что оба образа восходят к одному первоисточнику. Следует отметить, что герой эстонского эпоса фиксируется источниками достаточно рано. Автор англо-саксонской поэмы «Видсид» при перечислении различных правителей III–VI вв., при дворах которых он побывал во время своих странствий, отмечает, что «Кэлик (правил. – *М.С.*) финнами»⁸⁹. Этот Кэлик, правитель финнов, соотносится исследователями с Калевом, героем эпоса данного народа. Если предположение о том, что образы и русского Святогора, и эстонского Калевипоэга восходят к одному источнику, верно, то он должен был существовать достаточно рано, еще до эпохи Великого переселения народов.

⁸⁴ Харузин Н. Обзор доисторической археологии Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губерний по трудам местных исследователей // *Временник Эстляндской губернии*, 1893. Кн. 1. Ревель, 1894. С. 233.

⁸⁵ Трусман Ю. Русские элементы в Эстляндии в XIII–XIV вв. // *Временник Эстляндской губернии*, 1893. Кн. 1. Ревель, 1894. С. 72.

⁸⁶ Там же. С. 75–76.

⁸⁷ Шамбинаго С.К. Старины о Святогоре и поэма о Калевипоэге // *ЖМНП*. 1902. № 1, отд. 2; Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Т. 3. Пг., 1924; Топоров В.Н. Русский Святогор: свое и чужое // *Славянское и балканское языкознание*. М., 1989. С. 90–98.

⁸⁸ Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Т. 3. М., 1910. С. 162–163.

⁸⁹ Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 15.

Окончательно опровергает предположение о происхождении образа Святогора из эстонского эпоса то обстоятельство, что генетически родственный сюжет былине об Илье Муромце и Святогоре встречается и в осетинском эпосе, где этой паре соответствуют Созырко и сын Силы Мук(к)ара, также именуемый «князь скал»⁹⁰. Это обстоятельство показывает, что данный сюжет восходил к эпохе индоевропейской общности. Весьма древние истоки данного былинного персонажа отмечал и В.Н. Топоров, подчеркивавший, что «славянский компонент в образе Святогора несомненен»⁹¹. Что же касается отчества Колыванович, то оно указывает на географическую привязку образа Святогора к северо-западу Прибалтики. Данное обстоятельство как раз и объясняет, почему локализованный на территории Прибалтийской Руси Святогор никак не использует своей гигантской силы на благо Руси Киевской. Единственным противоречием здесь может служить то, что на территории Прибалтики нет гор, на связь с которыми указывает само имя этого богатыря. Однако если мы обратимся к отечественной топонимике, то увидим, что святыми горами на Руси подчас называли не горы в собственном смысле этого слова, а просто высокие холмы, типа Святых гор под Киевом либо около Михайловского в граничащей с Прибалтикой Псковской области, от названия которых и получил свое название Святогорский монастырь, в котором был похоронен А.С. Пушкин.

Хоть в Эстонии и не селились упомянутые Генрихом Латвийским венеды, однако связь с корнем – *рус-* и там не исчерпывается приведенными выше примерами. Восточная Прибалтика неоднократно именовалась римскими папами то Рутенией, то Русью, так что о какой-либо случайной ошибке речь идти не может. Уже при утверждении епископства в Икскюле в 1188 г. Клемент III отмечает, что оно находится *in Ruthenia*; папа Гонорий III в 1224 г. именует ливонских епископов с их сотрудниками *fideles per Russiam constituti*; папа Урбан IV в 1264 г. считал Восточную Латгалию лежащей в *Russiae*⁹². А.Г. Кузьмин отмечает: «В папских буллах XIII в. Ливония, в которой учреждались католические епархии, именуется Руссией. В середине XIV в. в ряде областей Эстонии произошло восстание против немецких феодалов. Наиболее успешно оно проходило в Роталии, в особенности на острове Эзель. Организаторами и основной боевой силой восставших были “русские”. В позднейших шведских источниках *Роталия* неоднократно называется “Руссией”. К “Руссии” причислялась и соседняя с Роталией область Вик. Позднее в этом районе документы упоминают “русские села”»⁹³. Шведский писатель XVII в. Иоганн Мессениус в своей «Хронике линчепингских епископов» отмечает, что во время шведского похода 1220 г. в эстонскую область Вик, в «Руссию», «рутены» убили епископа⁹⁴. Об оживленной торговле «в ливонских городах между русскими ливонскими дворянами и крестьянами» свидетельствует в своей «Ливонской хронике» уроженец Риги Б. Руссов⁹⁵. Эти показания письменных источников подкрепляются другими независимыми данными. Свидетельства особо тесных языковых контактов с русскими обнаруживаются не на востоке Эстонии, где она граничила с Русью, а на западе, на только что упомянутом острове Эзель. Приводя 24 слова, имеющие славянские корни в этом островном диалекте, Ю. Трусман с некоторым удивлением отмечает: «Более загадочным представляется факт существования в наречии островитян таких слов, которые

⁹⁰ Халанский М.Е. Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1886. С. 184–185.

⁹¹ Топоров В.Н. Русский Святогор: свое и чужое // Славянское и балканское языкознание. М., 1989. С. 124.

⁹² Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М. – Л., 1938. С. 248.

⁹³ Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 г. М., 2004. С. 41.

⁹⁴ Фридрих фон Кейслер. Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII столетии. СПб., 1900. С. 92–93.

⁹⁵ Бальтазар Руссов. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том II, 1879. С. 170.

очевидно заимствованны с русского языка, но не имеются в других эстонских наречиях»⁹⁶. Далее этот исследователь констатирует: «Кроме того, наименование русского отождествляется у островитян с наименованием солдата, напр. *wene* – солдат... Эта последняя особенность наречия островитян напоминает нам предания, сохранившиеся в народных песнях у жителей юго-западного побережья Пейпуса, о том, что в стародавние времена эсты совершали совместно с русскими на конях военные походы, в которых проводили нередко целый век жизни»⁹⁷. Сам Ю. Трусман предположил, что подобное сильное русское влияние на Эзеле связано с походами новгородских ушкуйников, однако упоминание о походах на конях позволяет предположить и другое происхождение данных связей. Следует также отметить, что, по мнению Я. Зутиса, несколько имен русских послов в договоре Игоря с Византией, а именно Каницар, Искусеви, Апубксарь, имеют эстонские корни⁹⁸. Если это так, то связи Эстонии с Киевской Русью должны были возникнуть достаточно рано, чтобы выходцы из данного региона оказались в составе великокняжеского посольства. В связи с этим следует упомянуть имя еще одного посла Игоря. В Лаврентьевской летописи он значится как Либиарь, или Иабиарь Фастовъ, однако в Ипатьевской его имя указано как Либи Арьфастов. Если предположить, что последний вариант более правильный, то слово *либи* может указывать на его племенную принадлежность: в ПВЛ ливы именовались либами, и, таким образом, данный пример позволяет допустить, что не только эсты, но и ливы входили в состав киевской дружины. Возможно, что русское влияние распространялось и южнее Латвии: в Литве недалеко от побережья есть город Русне, а южнее Шауляя расположен другой город Расейняй.

Другой пример показывает связь в данном регионе корня – *рус*-с морем: «В юго-западном углу Эстляндии... на восточном берегу Мацальского залива упоминается в 1368 г. пункт *Russen-Grave*, то есть русская канава. В настоящее время встречаются здесь лишь следующие местные названия: крест, дв. Венесилла (то есть русский мост)... кр. двор Венематси (то есть русский Мате)...»⁹⁹ Еще более ценным является народное предание, записанное на границе между современными Эстонией и Латвией, о существовании там некогда целого русского княжества: «Одно народное предание говорит, что некогда во всей Угаунии сидели отдельные князья. Сохранилась память об одном княжестве, бывшем некогда на месте нынешнего Репинского прихода, по названию “Русавальд” (т. е. волость Русса). В Русавальде княжил некто Руссипапа или Папарусь. Он жил в неприступном замке возле оз. Игема. В воротах своих замков Руссипапа имели столь громадные засовы и замки, что когда, например, ворота запирались у Папарусь, то звон от железа раздавался на расстоянии пятнадцати верст в Разине, где жил другой князь. На восточной стороне близтекущей реки Воо у дер. Пустус и Выукюля указывают громадный холм, обложенный снизу рядом камней, а сверху заваленный землею. По преданию около этой местности происходило сражение, в котором пал герой, защищавший ее. На месте его погребения воздвигнут холм. (...) Название Руса еще сохранилось недалеко на юг от Игемяерв в имени мызы, в название деревни “Русикюла” верст пять к юго-западу от первого места и в названии деревни Руссима, на юг верст двадцать. Что предание о Руссипапе не есть простой продукт народного воображения, свидетельствует сохранившийся на север от Вирицгерва верст на двенадцать к вол. Умбусе, огороженной неприступными в летнее время болотами, род, носящий фамилию

⁹⁶ Трусман Ю. Происхождение населения на о. Эзель, Даго и Моне // Временник Эстляндской губернии, 1894. Кн. 2. Ревель, 1895. С. 70.

⁹⁷ Там же. С. 70–71.

⁹⁸ Зутис Я. Русско-эстонские отношения в IX–XIV вв. // Историк-марксист. 1940. № 3. С. 40.

⁹⁹ Трусман Ю. Русские элементы в Эстляндии в XIII–XIV вв. // Временник Эстляндской губернии, 1893. Кн. 1. Ревель, 1894. С. 74.

Русси (Руссь) и отличающийся от обыкновенного эстонского типа между прочим длинным носом и высоким лбом»¹⁰⁰.

Данное предание весьма ценно для нас не только потому, что в очередной раз фиксирует топоним с корнем – *рус-* на территории Эстонии, но также и потому, что в определенной степени подтверждает достоверность датских саг, легших в основу хроники Саксона Грамматика. В последних, правда, русское королевство изображалось явно большим территориально и расположенным на берегу моря, а эстонское предание помещает русское княжество в стороне от моря и рисует его в гораздо меньших размерах. Однако это вполне могло быть небольшое русское владение, возникшее в результате постепенного продвижения русов в глубь страны. Гораздо важнее то, что местное предание фиксирует существование в Прибалтике русского княжества, правитель которого носил достаточно показательное имя Руссипапа, а обряд захоронения которого напоминает обряд, описанный в «Деяниях данов» в связи со смертью Боя. Как видим, достоверность этого предания подтверждается данными не только топонимики, но и ономастики и антропологии. По изложенным выше причинам его название не может быть связано с Киевской Русью и, поскольку никаких других образований с данным корнем в этом регионе не было, должно быть соотнесено с Прибалтийской Русью Саксона Грамматика. Весьма интересно и представление Руса как правителя-эпонима. Насколько можно судить, в имени Руссипапа соединены два корня, второй из которых, если только он не был искажен при передаче, относится к отношениям родства. Если не считать самого позднего значения этого слова, обозначающего главу Римско-католической церкви, то слово *papa*, возникшее из детской речи еще в индоевропейскую эпоху, имеет два значения. Первое из них, отмечает М. Фасмер, означает «хлеб», а второе – отца. Данное слово детской речи встречается в древнегреческом уже в гомеровскую эпоху *πάππa* – «отец», лат. *papa*, *parra*, «отец», нем. *Papa* (то же) и фр. *papa*¹⁰¹. Кроме того, словосочетание с этим корнем в русском языке типа «по папиной воле, желанию» обозначают отношения проявления власти, в данном случае родительской, например: «Не спорь, всё равно будет по-папиному».

Когда же появились в Прибалтике описанные Генрихом Латвийским венды? При всем том, что прибалтийские венды не были избалованы вниманием исследователей, о времени и путях их появления в интересующем нас регионе были высказаны различные мнения. Н. Харузин полагал, что они пришли из Южной Балтики в начале нашей эры: «Кроме того, хотя точное время, когда славяне поселились на южном берегу Балтийского моря и неизвестно, тем не менее, по мнению большинства исследователей, нет сомнения в том, что оно произошло не позднее I века по Р.Х. В этом же веке начинается более широкое знакомство туземных племен балтийских губерний с металлами, причем предметы древнего железного века местного края указывают преимущественно на славянское поморье и на среднюю Германию. Поэтому нам кажется, что ввиду того, что славяне в I веке уже жили на южном берегу Балтийского моря и ввиду того, что предметы древнего железного века, находимые в балтийских губерниях, стоят в теснейшей связи не со Скандинавией, а с областями, лежащими на южном берегу Балтийского моря, не будет слишком смелым предположить, что первое знакомство с металлами было сделано туземными племенами восточного берега Балтийского моря при посредстве славянских племен»¹⁰². Д.К. Зеленин связал появление вендов в Прибалтике с началом столкновения полабских славян сначала с империей Карла Великого, а затем и с Германской империей. «Есть основания полагать, что выселение балтийских славян из Помо-

¹⁰⁰ Трусман Ю. Происхождение населения на о. Эзель, Даго и Моне // Временник Эстляндской губернии, 1894. Кн. 2. Ревель, 1895. С. 60–61.

¹⁰¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 2009. С. 200.

¹⁰² Харузин Н. Обзор доисторической археологии Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губерний по трудам местных исследователей // Временник Эстляндской губернии, 1893. Кн. 1. Ревель, 1894. С. 227.

рья особенно усилилось в XII в., после принятия ими христианства в 1128 г., вскоре после чего очень много славянских земель было передано христианским церквам. Ливы и эсты сохранили более древнюю форму имен – народа вендов и р. Вентов – со звуком *т*, который в немецком языке в силу перебоя перешел в *д*; это свидетельствует о древности появления балтийских славян в Ливонии»¹⁰³. Ученый, проследив, по данным топонимики Прибалтики и письменным источникам, морской путь продвижения западных славян на восток, отметил: «Знаменательно, что эсты называли вендами (Wene) не кашубов или поляков, которые по языку ближе к балтийским славянам, а именно русских. Это обстоятельство можно объяснить только тем, что эсты наблюдали, как многие прибалтийские венды уходили из Ливонии на Русь и обратно уже не возвращались. Как видно из Хроники Генриха Латвийского, эсты хорошо знали ливонских вендов, и перенесение их имени на русских не может быть каким-либо странным недоразумением со стороны эстов»¹⁰⁴.

На контакты с балтийскими славянами помимо курганного обряда погребения указывают также керамический материал и элементы домостроительства на некоторых памятниках куршского ареала¹⁰⁵. Весьма важным элементом, говорящим не просто о эпизодических контактах, а генетическом родстве между собой латвийских вендов и полабских славян, стали данные антропологии. В результате проведенных в 50-х годах XX в. исследований в антропологическом строении современного населения западных районов Латвии, в том числе проживающего в бассейне реки Венты и в окрестностях Вентспилса, был выявлен комплекс признаков, указывающий на участие в образовании этого населения компонента со средиземноморской примесью. «Сопоставление средиземноморских элементов, присутствующих в антропологическом строении населения Курземе, со средиземноморскими особенностями, присущими славянскому населению X–XII вв. Мекленбурга и Померании показывают их значительное сходство. Это стало существенным аргументом в пользу древнего проживания славян в бассейне Венты и славянской атрибуции ливонских вендов»¹⁰⁶. Однако в результате археологических исследований в Прибалтике, в том числе в нижнем течении реки Венты и на острове Эзель, были найдены антские фибулы, что заставило В.В. Седова удревнить время появления славян в этом регионе: «Находки славянских пальчатых фибул в западных регионах территории Литвы и Латвии, описанные выше, – явное свидетельство проникновения славян в этот регион в VI–VII вв. По всей вероятности, от миграционной волны разноплеменного дунайского населения, направлявшейся в северном направлении в Мазуринский регион, оторвалась какая-то группа, состоящая преимущественно из славян, которая достигла восточного побережья Балтийского моря. Здесь славяне расселились среди куршского населения и пришли в соприкосновение с ливами. Как и другие прибалтийско-финские племена, ливы вслед за германцами именовали славян вендами. Остатки этого этноса Генрих Латвийский и называет вендами»¹⁰⁷. Как видим, труд Саксона Грамматика настолько прошел мимо внимания отечественных историков, что все три этих исследователя даже не ставили перед собой вопроса, как соотносятся русы из «Деяний данов» с вендами Генриха Латвийского.

Еще одной загадкой средневековой истории данного региона является обнаружение там значительного количества подвесок со знаками Рюриковичей. Начиная с XIX в. на тер-

¹⁰³ Зеленин Д.К. О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1954. № 6. С. 94.

¹⁰⁴ Там же. С. 93.

¹⁰⁵ Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994. С. 85.

¹⁰⁶ Витое М.В. Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики (по материалам антропологического отряда Прибалтийской экспедиции 1952–1954 гг.) // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959. С. 575–576.

¹⁰⁷ Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994. С. 76.

ритории Руси и Прибалтики археологи стали обнаруживать подвески с изображениями знаков этой династии, которые большинство специалистов расценивали как верительные знаки представителей великокняжеской власти. Однако такому пониманию этих предметов на первый взгляд противоречила география находок – значительная часть подобных подвесок была найдена в тех районах Прибалтики, которые непосредственно не входили в состав Древнерусского государства. Действительно, 27 подобных артефактов были найдены в Прибалтике, 19 – на Руси, 4 – в Верхнем Поволжье и Прикамье и 1 – в Понеманье. В результате этого часть исследователей предпочитала рассматривать древнерусские и прибалтийские подвески раздельно, расценивая последние как элементы женского убора. Подобное понимание отталкивалось от особенностей обнаружения данных вещей: «В Латвии такие повески носили с конца XI до XIII века. Только четыре из них нашли при раскопках городищ (Турайды, Даугмале, Кокнесе), все остальные в могилах. При этом десять подвесок были обнаружены в женских, а шесть в детских захоронениях»¹⁰⁸. Тем не менее, рассматривая обе группы подвесок во взаимосвязи, С.В. Белецкий определил артефакты, найденные на территории Руси, как подвески-оригиналы, а артефакты из Прибалтики – как подвески-реплики, сделанные по образцу первых. Выяснилось, что жители Прибалтики копировали сначала подвеску с трезубцем Ярослава Мудрого, а после перерыва – подвеску со знаком какого-то русского князя, жившего не ранее XII в. В связи с последним отмечалось, что «Хроника Ливонии» упоминает, что прибывший к ливам в 1184 г. в качестве миссионера Мейнард испрашивал дозволения вести проповедь среди этого племени у полоцкого князя Владимира. Что же касается Ярослава Мудрого, то ни один письменный источник не фиксирует активности этого русского князя в том регионе Прибалтики, где были найдены воспроизводящие его знак подвески.

Исследователи также достаточно давно обратили внимание, что все найденные в Прибалтике подвески сконцентрированы на территории проживания племени ливов. Однако это была не единственная особенность, выявившаяся при изучении данной группы находок: «Три четверти (20 экз.) найденных в Латвии подвесок, о которых идет речь, были обнаружены на сравнительно небольшой территории – между Икшкилес и Саласпилсом. (...) На городище Мартыньсала (в Саласпилсе) жил вождь местных ливов Ако, который предпринял в 1206 г. попытку объединить против немцев князя Полоцка, гауяских ливов и литовцев, но не успел сделать этого. Расположенный рядом с Мартыньсала остров Доле, на котором находится исследованное археологами кладбище Рауши, давшее шесть описанных выше подвесок, в начале XIII века называли Королевским островом (*Insula Regis*). Уже в 1895 г. Буххольц в своей статье “О кирхольмских королях” обратил внимание на то, что в хрониках XIV–XVI веков есть немало указаний на проживавших на обширных землях между Саласпилсом и Икшкилес свободных крестьян, которых называли “королями” и которые были, видимо, потомками местных правителей»¹⁰⁹. Латышский археолог Э.С. Мугуревич предположил, что данные подвески были отличительными знаками женщин из знатных ливских родов и могли передаваться ими из поколения в поколение. Из-за находок подвесок со знаком Рюриковичей преимущественно в женских и детских захоронениях может создаться впечатление, что данный знак бытовал в основном среди ливских женщин, однако это не совсем так. Наиболее раннее изображение знака Рюриковичей в этом регионе мы встречаем на серебряных ножнах меча в ливском могильнике Кримулдас Рижского района Латвии (рис. 2). Специалисты считают, что данный знак восходит к знаку Владимира Святославича и, следовательно, является самым ранним в данном регионе¹¹⁰. Кроме того, это указывает на

¹⁰⁸ Знаки Рюриковичей или подвески знатных ливских женщин // Восточный путь. Austwegr. 1996. № 2. С. 31.

¹⁰⁹ Там же. С. 32.

¹¹⁰ Ширинский С.С. Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова // Славяне и Русь. М., 1968. С. 219.

то, что первоначально данный знак использовался воином и лишь впоследствии стал появляться в женских и детских захоронениях. Вызывает удивление и стойкость «королевской» традиции у ливов, продолжавшейся до XX в. (последний ливский «король», пытавшийся спасти свой народ от ассимиляции, стал жертвой латышской межвоенной карательной психиатрии). Хотя у других прибалтийских племен точно так же были свои вожди, однако после утраты независимости ни одно из них в течение веков не хранило родовых преданий своих прежних владык. Интересно также и название кладбища, которое может содержать искаженный корень – *рус-*.

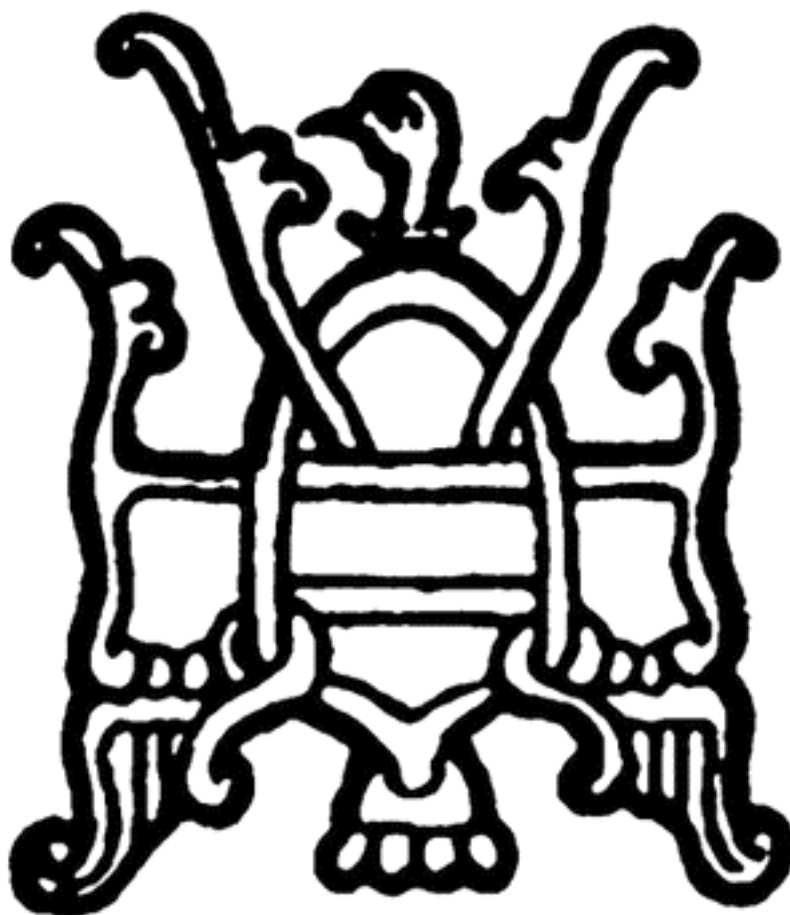

Рис. 2. Знак Владимира на ножнах из Кримулдаса, Латвия

Подобно рассмотренным выше примерам со старейшиной лэтов Руссином и Русси-папы из эстонской Угаунии есть все основания полагать, что какая-то часть изгнанных куршами венедов расселилась среди ливов и попала в число их старейшин. Выше уже отмечалось, что именно под венедским влиянием в Латвии появляется обряд трупосожжения. В этом отношении ливские захоронения представляют достаточно показательную картину: при господствующей у этого племени ингумации (трупоположения) там встречаются и трупосожжения, что может быть объяснено либо присутствием в их среде иного этнического элемента, либо как минимум его влиянием. Так, в упоминавшемся ливском могильнике Саласпилс, где были найдены подвески со знаками Рюриковичей, основную часть захоронений составляют трупоположения, но есть и трупосожжения, составляющие на различных участках от 10 до 50 %. Точно так же господствует ингумация и в захоронениях второй группы ливов на реке Гауя и ее притоке Бресла, но и там трупосожжения составляют 10–

20 %¹¹¹. На родство со славянами указывают и антропологические характеристики ливов. Так, Г.А. Чеснис, выделяя мезоморфный, долихомезокранный, узколицый тип В, характерный «для племен низовьев р. Неман II–V вв., и культуры ранних грунтовых могильников Жемайтии IV–V вв., ливских куршей IV–VI вв., пруссов I тысячелетия н. э., селов XI–XII вв., а также угро-финского племени ливов X–XII вв.», далее отмечает, что «сходные факторные веса имеют серии из Силезии III–IV вв., Мекленбурга X–XII вв., а также некоторые группы средневековых славян...»¹¹² Весьма показательной является связь ливов со славянами и в другой области: «Большой интерес представляет ливская орнаментика, в которой геометрические фигуры сочетаются с мотивами растительного узора (в частности, пальметки). Эти мотивы указывают, прежде всего, на связи с древнерусской орнаментикой»¹¹³. Как известно, народный орнамент достаточно консервативен сам по себе и отражает этнические черты создавшего его народа.

Показательно, что находки со знаками Рюриковичей обнаружены не на всей территории проживания ливов, а именно в тех местах, где письменные источники фиксируют пребывание вендов. В.В. Седов совершенно справедливо связал эти два явления: «Нельзя не обратить внимание на концентрацию различных вещевых находок древнерусского происхождения в двух регионах – в Даугмале и его ближайших окрестностях, а также в бассейне Гауи, в той его части, где стояли Венден и Турайда. Так, все без исключения находки привесок, относимых исследователями к родовым знакам Ярослава Мудрого, происходят из двух названных регионов, где, согласно Хронике Генриха Латвийского, проживали венды. Создается впечатление, что предметы русского происхождения находили спрос прежде всего среди родственного, вендского населения»¹¹⁴.

В чем же причина столь длительного существования данной традиции в ливской среде? С.В. Белецкий предположил, что «древнерусские подвески-оригиналы, послужившие прототипами для ливских подвесок-реплик, являлись верительными знаками, которые русские князья давали ливским вождям с тем, чтобы подтвердить и юридически закрепить полномочия этих вождей представлять в земле ливов русскую администрацию, а по сути дела – выступать представителями ливов перед русским князем»¹¹⁵. Вряд ли подобное объяснение можно считать удовлетворительным. Во-первых, источники полностью молчат о подчинении этой территории Руси в эпоху Ярослава Мудрого и, соответственно, распространении на нее действия русской администрации. Во-вторых, среди своих соплеменников ливские вожди и так пользовались властью и авторитетом без какого-либо закрепления их полномочий иноплеменной властью. В-третьих, отечественные правители тем более вряд ли нуждались в материальном удостоверении права того или иного вождя «выступать представителями ливов перед русским князем» – у знати других подвластных Руси племен подобные подвески отсутствуют, а русские князья были заинтересованы в получении дани с подвластного им племени, а не в том, чтобы формально удостовериться в праве вождя вносить эту дань. В разное время с Древней Русью были связаны данническими отношения десятки различных финно-угорских и балтских племен, однако ни у одного из них не встречается скопления подвесок со знаками Рюриковичей, хотя бы как-то сравнимых с ливскими.

¹¹¹ Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987. С. 27, 29.

¹¹² Чеснис Г.А. Многомерный анализ антропологических данных как средство решения проблемы выделения балтских племенных союзов в эпоху железа (преимущественно на территории Литвы) // Балты, славяне, прибалтийские финны. Этногенетические процессы. Рига, 1990. С. 23, 26–27.

¹¹³ Мугуревич Э., Зариня А., Тыниссон Э. Ливы // Финны в Европе. VI–XV века. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования. Вып. 1. М., 1990. С. 141.

¹¹⁴ Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994. С. 81.

¹¹⁵ Белецкий С.В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. СПб., 2004. С. 288.

Очевидно, что причина находок беспрецедентно большого количества этих знаков на территории части этого племени кроется в существовании каких-то особых, исключительных отношений части ливской племенной знати с Рюриковичами. Судя по всему, мы имеем дело с самоидентификацией части ливской знати с династией Рюриковичей, выразившейся в ношении представителями ливов родового знака русских князей.

Чем же она могла быть обусловлена? Даже в случае военного подчинения этого прибалтийского племени Киевской Руси подобная самоидентификация с захватчиками выглядела бы странно. Покоренные скорее стремятся освободиться от иностранного гнета, а не отождествить себя с завоевателями. При этом, как уже отмечалось выше, источники ничего не говорят ни о покорении ливов в эпоху Владимира и Ярослава, когда в Прибалтике появляются первые знаки Рюриковичей, ни о каких-либо брачных союзах ливов с русскими князьями. Ключом к разрешению данной загадки является то, что территория находок этих подвесок совпадает с территорией расселения славян-венедов, а впоследствии именно там же среди ливов отмечается существование устойчивой «королевской» традиции.

Объяснить все эти явления может предположение, что среди упомянутых Генрихом Латвийским венедов, влившихся в состав ливской знати, были потомки русских королей Саксона Грамматика, считавших себя родственниками киевских Рюриковичей. Как будет показано ниже, основная линия потомков прибалтийских русских королей переместилась в земли западных славян, из числа которых и был впоследствии призван Рюрик, однако какие-то боковые ветви вполне могли остаться на старой родине. В этом отношении оказавшиеся среди ливов потомки этой боковой линии могли считать себя родственниками Рюриковичей, активно использовать подвески с их родовым знаком, а их дальние потомки многие века спустя хранить память о своем высоком королевском происхождении.

Естественно возникает вопрос: знали ли Рюриковичи о своих родственниках в Латвии и, если знали, как к этому относились? Трудно сказать определенно, но, судя по всему, какие-то известия к русским князьям об этом доходили. На это указывает существование на Руси закона, о котором упоминается в скандинавских сагах: «В Гардарики было законом, что люди, которые были конунгами по рождению, не могли оставаться в стране без разрешения конунга»¹¹⁶. Поскольку под последним имеется в виду Владимир Святославич, становится понятно, что незаконорожденный сын великого Святослава, по всей видимости, опасался появления в стране других претендентов на его престол. С другой стороны, знали о них на Руси и другие осведомленные люди. В этом свете весьма интересно сообщение Иоакимовской летописи, что, получив от «весчунов» пророчества о происхождении наследника «от ложесн его», дед Рюрика в первую очередь направляет посольство в Восточную Прибалтику: «Но Гостомысл не ят сему веры, зане стар бе и жены его не раждаху, посла паки в Зимеголы (В.Н. Татищев в комментарии к этому месту предположил, что имелась в виду Курляндия. — М.С.) к весчунам вопросити, и ти реша, яко имать наследовати от своих ему»¹¹⁷. И именно после этого новгородскому старейшине снится вещий сон, на основании которого он и дает своим соплеменникам совет приглашать на княжение сыновей своей средней дочери. Весьма вероятно, что именно «весчуны» Прибалтийской Руси, граничащей с куршами, и подсказали Гостомыслу, кого именно из их княжеского рода следует призывать восточным славянам. Спустя столетия после описываемых событий Адам Бременский в XI в. вновь фиксирует тесные религиозные связи русских, которых он именует греками по причине принятия христианства из Греции, именно с этим же регионом: «В глубине (моря) есть и другие (острова), которые подчиняются власти шведов. Самым большим из них, пожалуй, является Курланд, который имеет восемь дней пути. (Там обитает) очень жестокое племя, которого все избе-

¹¹⁶ *Снорри Стурлусон*. Круг земной. М., 1995. С. 101.

¹¹⁷ *Татищев В.Н.* История российская. Т. 1. М. — Л., 1962. С. 110.

гают из-за его склонности к чрезмерному почитанию идолов. Там очень много золота, великолепные кони. Во всех домах – полно волхвов, авгуров и некромантов, (которые даже ходят в монашеских одеждах). За оракулами туда обращаются со всего света, особенно испанцы и греки»¹¹⁸.

Не исчезла память о прибалтийских «родственниках» Рюриковичей и впоследствии. Так, в былинах сын Ильи Муромца называется Подсокольничком. Такое наименование достаточно необычно по двум причинам. Во-первых, все остальные богатыри в былинах зовутся по имени. Во-вторых, с соколом былины устойчиво связывают именно представителей Рюриковичей: именно в эту птицу оборачиваются былинные Вольга и Волх Всеславьевич, историческими прототипами которых были сын Святослава Олег и Всеслав Полоцкий. Таким образом, имя Подсокольник указывает на какую-то связь его носителя с родом Рюриковичей. Со стороны отца в окончательной версии текста подобное родство исключается: сказителям былин было хорошо известно, что Илья Муромец был крестьянский сын из деревни Карачарово. Методом исключения получается, что с Рюриковичами как-то связана жена главного былинного богатыря. Сведения о ней в эпосе достаточно скудны, и в былинах она обычно называется Златыгорка, Семигорка, Сиверьянична, царевна лотарыненко, Латымирка или Латыгорка. Что касается последнего варианта, то еще А. Марков связал его с названием прибалтийского племени латгалов, называемых русскими летописями «летьгола» и «латыгола»¹¹⁹. Имя Сиверьянична указывает на север, что подтверждается указанием некоторых былин на то, что богатырка живет «в стороне северной», причем в ряде случаев в качестве место ее обитания указываются «западные страны, Золотая Орда» и «море студеное, камешек серый». Хоть былинная локализация и расплывчата, однако в целом она указывает на север или запад, а также на морское побережье. Что касается первого варианта имени, то, помимо чисто фольклорных мотивов, отметим, что в Латвии также известны предания о Денежной горке в Серене и Денежной горе у Смилтене¹²⁰. Таким образом, создатели и хранители былин, изначально связанные с волхвами, через этот поэтический образ отмечали наличие каких-то родственников русской княжеской династии именно на территории Латвии.

Хоть приведенные выше данные и носят неизбежно фрагментарный характер, однако собранных фактов достаточно, чтобы сделать выводы о языке Прибалтийской Руси, основных контурах ее истории и религиозных представлениях. Что касается первого вопроса, то мы можем констатировать, что древнейшие из известных нам русов, о которых мы можем сказать что-либо определенное, говорили на славянском языке. Об этом однозначно говорят лингвистические данные: славянская гидронимия и топонимика Западной Прибалтики, причем, как отметил В.Ф. Дамбе, иногда она ближе даже к западославянской; само славянское происхождение названия куршей, отмеченных в качестве соседей Прибалтийской Руси уже при первом упоминании о ней Саксоном Грамматиком. Об этом же говорит и приведенный выше странный на первый взгляд факт, что германцы заимствовали у славян слово *ладья*, а не наоборот. Очевидно, что название ладьи было заимствовано германцами явно не в эпоху викингов, когда их собственные суда бороздили моря вокруг всей Европы и даже доплывали до Америки. Вряд ли это был рубеж нашей эры, когда, согласно Тациту, свеоны имели свой собственный флот на Балтике. Поскольку лингвисты датируют славяно-германские контакты V–III вв. до н. э.¹²¹, то, по всей видимости, заимствование интересующего нас слова произошло примерно в этот период. Однако ни письменные источники, ни археологи-

¹¹⁸ Адам Бременский, *Гельмолд из Босау, Арнольд Любекский*. Славянские хроники. М., 2011. С. 104.

¹¹⁹ Марков А.К. былине о бое Ильи Муромца с сыном // *Этнографическое обозрение*. № 3. Кн. XLVI, 1900. С. 73.

¹²⁰ Латышские народные предания. Рига, 1962. С. 33–34.

¹²¹ Мартынов В.В. Славянский, итальянский, балтийский // *Славяне. Этногенез и этническая история*. Л., 1989. С. 38.

ческие данные не позволяют однозначно говорить о широком распространении мореплавания у славян в это время. Поскольку Саксон Грамматик с самого начала описывает прибалтийских русов именно как морской народ, имеющий достаточно большой флот, о котором он неоднократно упоминает на страницах своей хроники, наиболее естественно предположить, что слово *ладья* попало в германские языки именно из языка Прибалтийской Руси.

О славянстве последней свидетельствуют и весьма ранние заимствования из славянского в прибалтийско-финские языки. Как установил профессор К. Вилкуне, славянские элементы были заимствованы финно-угорским населением Прибалтики из двух разных областей и в разные периоды. Более ранние западославянские заимствования вошли в основном в ливский и эстонский языки, а также юго-западный диалект финского языка, а более поздние восточнославянские заимствования встречаются в восточных диалектах эстонского и финского языков. Последняя группа заимствований датируется приблизительно VI в. н. э., что же касается первой группы, то К. Вилкуне считал, что эти слова попали в прибалтийско-финские языки одновременно с заимствованиями из германского, которые он датировал серединой I тыс. до н. э. С его выводами согласны и эстонские лингвисты: «Существуют некоторые славянские заимствования, которые являются весьма ранними, так как восходят к очень древним славянским исходным формам. К таким словам относится, например, эст. *ike*, “иго” (фин. *ies*, род. *ikeen*), эст. *hirs*, “жердь” (фин. *hirsi*, “бревно”), эст. *koonal*, “кудель” (фин. *kuontale*), южноэстонское *lihits*, “ложка”. Эти слова указывают на то, что между славянами и прибалтийскими финно-уграми имелись связи уже в то время, когда славянские языки были еще весьма близки к общему языку-основе, от которого они произошли. Эти первые соприкосновения имели место уже в последние века до н. э., т. е. еще до того, когда *š* в прибалтийско-финском языке-основе перешло в *h* и сочетание *ti* изменилось в *si* (ср. *hirs* < *hirsi* < *hirti*, чему в русском языке соответствует *жердь*, в древнерусском *жьрьдь*, и *lihits* < *льжьща*>). Таким образом, эти соприкосновения являются даже более ранними, чем соприкосновения с германцами. На основании археологических данных мы знаем, однако, что восточные славяне в это время еще не жили в непосредственном соседстве с прибалтийскими финно-уграми»¹²². Археолог Х.А. Моора со своей стороны уточняет ряд древнейших заимствований в эстонский язык из славянского: «Кроме *ike* заимствовано *kimalune*, “шмель”, *und*, “уда”, *koonal*, “кудель”, *sund*, “принуждение”, *uba*, “боб”, *ait*, “клеть”. (...) Из упомянутых заимствований особый интерес представляет собой слово *ike*, “ярмо”, которое, судя по фонетическим признакам, вошло в прибалтийско-финские языки в период существования общеславянской речи, очевидно, в последнем тысячелетии до н. э. Это слово и некоторые другие заимствования западославянских названий частей воловьей упряжи показывает, что характерное для ливов, эстонцев и юго-западных финнов использование волов в качестве тягловой силы получило свое начало уже в это раннее время»¹²³. Современные археологические находки указывают на достаточно раннее появление данного явления в этом регионе: «Находки каменных лемехов и особенно следы пахоты указывают на появление пашенного земледелия в Восточной Прибалтике уже в середине эпохи бронзы»¹²⁴. Кроме того, лингвисты также отмечают отчетливое влияние праславянского языка на германский в том числе и в земледельческой сфере: *malta*, «солод» (< праслав. *molto*), *ploga*, «плуг» (< праслав. *plugъ*), *tila*, «обработанная земля» (< праслав. *tylo*)¹²⁵. Славяно-германские контакты, во время которых были заимствованы эти термины, датируются V–III вв. до н. э., то есть примерно в то

¹²² Аристэ П.А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 24.

¹²³ Моора Х.А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 105.

¹²⁴ Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 123.

¹²⁵ Мартынов В.В. Глоттогенез славян // Вопросы языкознания. 1985. № 6. С. 45.

же время, когда земледельческая терминология была заимствована у славян финно-уграми. С заимствованием финно-уграми из славянского языка названия боба следует сопоставить и Бавновию, буквально Бобовый остров, который Плиний Старший упоминает на Балтике. Это говорит о том, что данное заимствование произошло не позднее I в. н. э.

Оба процитированных выше эстонских исследователя склонялись к тому, что самые ранние славянские заимствования попали в прибалтийско-финские языки в результате их контактов с лужицкой культурой, которую они считали славянской. Не отвергая полностью такую возможность, отметим, что славянская принадлежность лужицкой культуры окончательно пока не доказана и среди специалистов нет единства по этому вопросу. Кроме того, ряд заимствованных слов указывает не просто на торговые контакты, а на более или менее длительное совместное проживание славян и финно-угров в Прибалтике. Вряд ли связанные с домостроительством и пахотой термины могли перейти из одного языка в другой при эпизодических торговых контактах, и уж тем более не могло быть заимствовано понятия суда, предполагающего отношения власти и подчинения (*эст.* *sund*, «принуждение»). Поскольку ни о каком славянском племени, которое жило в Эстонии в последние века до н. э. и осуществляло бы суд над местным финно-угорским населением, нам неизвестно, мы вправе предположить, что рассмотренные лингвистические заимствования являются следствием существования в Прибалтике в ту же эпоху русского королевства, описанного Саксоном Грамматиком. На эту же Прибалтийскую Русь указывает и отмеченное выше большое число заимствований из русского языка на эстонском острове Эзеле, наиболее удаленном от Древнерусского государства, но являвшемся, как Роталия, частью этой первоначальной Руси.

Более чем тесные контакты между двумя народами подтверждают примеры друг их заимствований в эстонском из русского языка: *kost*, «гостинец, подарок» ← др. – русск. гость, *turg*, *turu*, «рынок, базар» ← *торг*, *tavar*, *vara*, «сокровище, клад, состояние, благо» ← товар, *passmer* ← безмен, *maar* ← мера, *lodi*, «лодка, баржа» ← ладья, *prees* ← пряжа, *vaar*, «краска, окраска» ← др. рус. *вап*, *sinine* ← синий, *kold* ← желтизна, *tapper* ← топор, *look* ← лук, *tubli*, *tublis*, «доблесть, молодецкий, ловкий» ← доблесть, *saha*, *sahk* «плуг» ← соха, *kabli*, «мотыга» ← белорус. скалба, *saan* ← сани, *varten* ← веретено, *kari*, «строгий надзор, присмотр, строгое приказание, наказание» ← кара, карать, *goosk*, «кнут, плеть» ← розга, *gaia*, «граница, предел» ← край, *valadus* ← свобода, *voli*, «воля, право» ← воля¹²⁶. Как видим, целый ряд заимствований, касающихся орудий труда, таких как пряжа, веретено, топор, лук, соха и мотыга, точно так же должны были осуществиться в очень ранний период. Также здесь присутствует целый ряд понятий, связанных с торговлей и средствами передвижения, нравственные понятия, относящиеся как к военному делу, так и к состоянию свободного человека. Присутствуют здесь понятия из сферы господства-подчинения и границы территории. Все эти лингвистические данные вполне соответствуют тому раннему периоду русско-эстонских отношений, которые мы вправе предположить на основании известия Саксона Грамматика.

Следует также отметить, что название Роталы, первого упомянутого в хронике города русов, образовано от общеславянского слова *рота*, обозначавшего у наших предков все-ленский закон. Название второго города, Палтиске, перекликается с древнерусским городом Полоцком. Что касается имени его царя Веспасия, то оно больше напоминает римского Веспасиана, и, похоже, Саксон Грамматик взял его из какого-то латинского источника. Ринд и Даго, как уже отмечалось выше, находят свое соответствие в местных прибалтийских названиях. Впрочем, похожие имена встречаются в славянской традиции. Так, известно женские имена Рина, Ринка, а также мужские Ринеш и Рин. Что касается Даго, то известны моравское имя Даграст, сербское Дак, а также сербские Дака и Дако (впрочем, М. Морошкин полагал,

¹²⁶ Зутис Я. Русско-эстонские отношения // Историк-марксист, 1940. № 3. С. 54–55.

что последние последние два имени производятся от христианских имен Дамиан и Давид)¹²⁷. Около 1575 г. упоминается московский отчинник Молчан Федорович сын Дагин¹²⁸. Кроме того, в грамоте, данной польским князем Мешко I папскому престолу в конце X в. и названной по первым словам «Dagome Iudex», под именем Dagome (вариант Dagone) подразумевается сам польский князь. Польский историк Х. Ловмянский связывает его с именем Дагоберта, полученного Метко I при крещении¹²⁹, однако представляется странным, чтобы писцы с ошибками писали имя собственного князя. Уже сын Ринд Бой из второго фрагмента Саксона Грамматика носит чисто славянское имя, зафиксированное белорусской мифологической традицией.

Имена двух других королей русов заслуживают отдельного анализа, который будет предпринят ниже. Саксон Грамматик упоминает предводителя рутенов Флокка, имя которого, по всей видимости, является искаженным *волк* и в этом качестве находит себе аналогию в многочисленных именах типа Влк, Влкон, Влко, Влакен, Влкен и т. п.¹³⁰ Побезденный Старкатором разбойник Висин находит свое соответствие в таких западнославянских именах, как Вычин, Высен, Вышен и Вецен¹³¹. Имя морского разбойника Рота вновь отсылает нас к славянскому названию вселенского закона, а также вновь встречается нам у западных славян в форме Роташ¹³². Точно так же славянским является имя Ратибор, внуком которого был Регнальд. Имя последнего не является славянским, однако его появление может быть объяснено контактами рутенов с другими народами. Достаточно похоже на него имя Рогнеды, дочери варяжского правителя Полоцка. Насколько мы можем судить, искаженным является и второй корень в названии мыса Русбей, приводимого Плинием. Поскольку до римлян оно дошло в кимврской передаче, вероятность искажения еще более повышается. Ближе всего к данному корню находится славянское слово *буй*. Его лингвисты обычно рассматривают как производное от и.-е. *bhou-/bhu*, «расти, становиться сильным» и в качестве ближайшей параллели приводят др. – инд. *bhavyah*, «сущий, существующий». С этим корнем в Древней Руси был связан целый ряд значений. *Буян* мог означать возвышенное место, холм, бугор и даже гору. Даниил Заточник пишет: «Дивиа за буяном кони паствити...»¹³³ Один из списков «Сна пресвятой Богородицы» начинается так: «На горе-на горюне, на горе-на Буяне»¹³⁴. Еще в языке XIX в. слово *буйвище* означает «возвышенное, открытое кругом место; пустырь на возвышении»¹³⁵. Подобная характеристика вполне могла относиться к мысу. Эпитет *буйный* в значении «дико бушующий» в нашем языке также может относиться к ветру и морю. Судя по всему, на Руси подобным образом называли не возвышенность вообще, а возвышенность, связанную с каким-либо сакральным центром. С принятием христианства подобным центром стала, естественно, церковь, с которой и стали соотносить слова *буй*, *буйвище* в значении открытого возвышенного места, площади около храма: «А буйвище Петрятино дворище оть прежнихъ дверей святаго Великого Ивана до погреба... Того же лѣта повевъ посадникъ Феодось и всь Псковъ наместити буйвище и около церкви святаго Троица...»¹³⁶ Такое значение, но, разумеется, в языческом его смысле,

¹²⁷ Морошкин М. Славянский именослов. СПб., 1867. С. 67, 167.

¹²⁸ Тушков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. С. 528.

¹²⁹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. М., 2009. С. 51.

¹³⁰ Морошкин М. Славянский именослов. СПб., 1867. С. 42–43.

¹³¹ Там же. С. 40, 53, 54.

¹³² Там же. С. 169.

¹³³ Повести Древней Руси. Л., 1983. С. 416.

¹³⁴ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868. Т. 2. С. 133.

¹³⁵ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. – М., 1880. Т. 1. С. 140.

¹³⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. С. 348.

вполне приложимо к названию мыса, находящегося около границы между «живым», «Кронийским морем» и морем «мертвым», замерзающим. В этой связи весьма показательно, что *буй*, *буице* как в древнем, так и в относительно современном русском языке XIX в. означало кладбище, могильник, а также черту и грань¹³⁷. Как было показано выше, Руссин Генриха Латвийского является потомком изначальной Прибалтийской Руси, а не следствием политического или экономического влияния на местных жителей Древнерусского государства. Наконец, следует отметить, что одновременное существование на одной и той же территории славянского и какого-то иного населения (если предположить неславянский характер Прибалтийской Руси), в равной степени чуждого окружающим их балтским и финно-угорским племенам, крайне маловероятно.

Решив принципиальный вопрос, кем же были описанные Саксоном Грамматиком прибалтийские русы, постараемся определить основные контуры развития этой Руси. На основании совпадения указаний совершенно не связанных между собой свидетельства Плиния Старшего, описания войн дан с русами в «Деяниях данов», образования племенного названия куршей под славянским влиянием и данных о начальном этапе влияния славянского языка на язык прибалтийско-финских племен мы со всей уверенностью можем утверждать, что свидетельство Саксона Грамматика о существовании на территории современных Латвии и Эстонии Прибалтийской Руси на рубеже I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. не является плодом вымысла датского летописца, а соответствует исторической действительности. Кроме того, существование Руси в данном регионе подтверждают рассмотренные выше данные топонимики, гидронимии, ономастики, эстонского предания о волости Русса «Русавальде», равно как и то, что в папских буллах XIII в. Ливония, не входившая в состав Древнерусского государства, именуется Руссией. Описанная в «Деяниях данов» самая первая война между Фротоном I и Транноном, по археологическим данным, может быть отнесена если не к началу, то по крайней мере к середине I тыс. до н. э. На достаточно раннее присутствие в Прибалтике русов указывает и этимология куршей. Естественно, в ту эпоху о королевстве в собственном смысле слова говорить не приходится и оно представляло собой то, что в современной науке именуется вождеством. Тем не менее уже в первом фрагменте Саксона Грамматика Русь предстает перед нами как общество с достаточно развитой внутренней иерархией, где кроме верховного правителя народа рутенов имеется царь отдельного города. Это напоминает структуру Древнерусского государства, где великому князю подчинялись князья отдельных племен. Несомненный интерес представляет обозначение Траннона в оригинале – *tyrannum*. В латинском языке это слово имеет два значения: собственно «тиран» и «самовластный». Очевидно, что датский летописец употребил его во втором значении, в связи с чем английский переводчик перевел его не просто как «царь» или «король», а употребил термин «монарх», подчеркивая высокий титул его носителя. Отметим, что в свое время предводитель готов Аларих именуется в источниках как *tyrannus Geticus*, что отражало его высокое положение как носителя центральной монархической власти¹³⁸. Применительно к Руси это понятие Саксон Грамматик применяет всего лишь два раза: первый раз в связи с Фротоном I, а второй раз – характеризуя намерение Старкатера, который вместе со своим другом «в стремлении к верховной власти вторглись также на Русь» (*tyrannico Rusciam*); английский переводчик употребил в данном случае понятие *empire*. Однако Старкатер, как и Геракл, имеет явно выраженные черты божественного происхождения. Само его имя, как отмечает А. Гуревич, образовано сочетанием слов *sterkr*, *starkr*, «сильный» и *Ноѡг*, имя бога, *ноѡ*, «битва», «убийство». Он описывается не просто как могучий воин, но как уродливый

¹³⁷ Срезневский И.И. Материалы к словарю древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893. С. 191–192; Даль В. Тожовый словарь живого великорусского языка. СПб. – М., 1880. Т. 1. С. 140.

¹³⁸ Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 210–211.

клыкастый человек гигантского роста, первоначально имевший шесть рук, четыре из которых отрубил ему Тор. Старктер – «единический» (тесно связанный с Одином) герой, и, чтобы снискать его благоволение, осуществляет ритуальное убийство короля Викара. В ночь накануне жертвоприношения Старктер вместе со своим воспитателем прибывает на остров, где на лесной поляне видит 11 человек, восседающих на престолах; 12-й престол занимает воспитатель Старктера, и присутствовавшие (видимо, боги) приветствуют его как Одина. Как уже отмечалось, Один дарует Старктеру три жизни¹³⁹.

Поскольку сам Старктер тесно связан с верховным богом скандинавской мифологии и, весьма вероятно, сам олицетворяет «сниженное» божественное начало, власть его, к которой он стремился, носила не просто чисто светский, а более всеобъемлющий, «самодержавный» характер, на что и указал словом *tyrannico* Саксон Грамматик. Точно так же «сниженным» образом скандинавского божества является и Фротон I. Одно терминологическое совпадение при описании характера власти Траннона и той, к которой стремились на Руси Фротон и Старктер, могло бы быть случайным совпадением, однако на некий сакральный характер власти указывает и значение приводимого датским летописцем имени второго русского короля Олимара, которое будет рассмотрено нами отдельно. Рождение Боя в результате брака верховного скандинавского бога с рутенской княжной – сюжет, который Саксон Грамматик без всякой видимой необходимости ввел в свое повествование, поскольку в скандинавской мифологии уже существовал миф о рождении сына Одина-мстителя за Бальдара, – также указывает на то, что в глазах данов правящая династия Прибалтийской Руси имела божественное происхождение. Кроме того, ниже будет рассмотрен миф о браке прародителя западнославянской княжеской династии Антюрия с богиней, причем их внуком являлся Алимер. Все эти случаи, рассмотренные в совокупности, говорят о том, что изначально характер власти первых русских королей, упомянутых в «Деяниях данов», был не только светским, но в той или иной степени сакральным, чему имеются соответствия как в славянской, так и в индоевропейской традиции.

Если мы обратимся к материальной стороне жизни, то, на основании лингвистических данных, мы вправе утверждать существование в Прибалтийской Руси достаточно развитого земледелия, способного оказать влияние как на образование названия соседнего балтского племени куршей, так и на прибалтийско-финские языки. Весьма вероятно, что в силу достаточной степени развития русы господствовали по крайней мере над частью соседних аборигенов. О подчиненном положении этой Руси части эстонских племен указывает как весьма раннее заимствование славянского слова *суд*, так и расположение Роталии в западной части современной Эстонии. О том, что господство это не ограничивалось исключительно приморскими областями, где сохранилась русская топонимика и ономастика, свидетельствует и эстонское предание о князе Руссипапе из Угаунии. Кроме того, Саксон Грамматик с самого начала описывает русов как морской народ, что подтверждается ранним заимствованием славянского слова *ладья* скандинавскими языками. Поскольку ими же было заимствовано из славянского и слово *торг*, которое также было заимствовано балтами и финно-уграми, равно как и из описания кораблей русов в морской битве с Фротоном III, названия Балтики как Венедского залива Птолемеем во II в. н. э., мы вправе заключить, что русы вели активную морскую торговлю на этом море. Можно предположить, что одним из предметов торговли русов был янтарь, о котором самое первое упоминание в арабской литературе первой половины IX в. говорит, что он есть «смола... происходящая от деревьев, растущих в стране славян». С тем, что Прибалтийская Русь располагалась на территории современной Латвии, стоит соотнести и тот факт, что в латышском языке название золота *zelts* отличается от его названия в родственных ему литовском и прусском языках, но зато совпадает со славян-

¹³⁹ Гуревич А. Избранные труды. Норвежское общество. М., 2009. С. 28.

ским названием этого металла. Подобное отличие не является единичным примером. В этой связи отметим еще один достаточно интересный лингвистический факт. В западной половине индоевропейского мира, а именно в итальянских, кельтских и германских языках, родственные слова типа ирл. *tflath*, умбр. *toto*, гот. *piuda* обозначали такое важное понятие, как «народ». Весьма показательно, что именно из однокорневой с ними др.-в. – нем. формы *deot* развилось самоназвание немцев как в форме *deutsch*, так и в форме *Teutoni*. По мнению лингвистов, современное русское слово *чужой*, восходящее к праслав. *tjudjo*, является ранним заимствованием из германского. Поскольку для славян германцы были чужим народом, их самоназвание в славянском языке и превратилось в прилагательное со значением «чужой». В этом отношении весьма показательно, что латышское *tauta* также обозначает «чужой народ», в то время как значение этого корня в других балтских языках соответствует западноевропейским: лит. *tauta*, «народ, племя», прусск. *tauto*, «страна»¹⁴⁰. Следование латышского языка за славянским в этом достаточно важном обозначении вопреки остальным балтским языкам опять-таки указывает на весьма тесные контакты предков латышей и славян.

Для защиты от набегов строились городища, описываемые Саксоном Грамматиком как города, одно из которых было настолько хорошо укреплено, что Фротон I смог взять его лишь с помощью хитрости. Безусловно, на основании данных археологии можно было бы нарисовать гораздо более подробную картину, однако, поскольку сведения «Деяний данов» были фактически проигнорированы отечественной наукой, поиск археологических древностей Прибалтийской Руси практически не велся, а все открытые в данном регионе памятники материальной культуры автоматически приписывались финно-уграм или балтам. Очевидно, что когда что-то не ищешь, то тогда ничего, как правило, и не находишь. Примерно аналогичная картина существовала и с венедами Генриха Латвийского, пока В.В. Седов не выделил целый ряд присущих славянам в средневековой Прибалтике археологических черт, до этого полностью игнорировавшихся другими исследователями. Теперь перед археологами стоит задача выделения из общего числа прибалтийских древностей тех, которые соответствуют Руси, описанной Саксоном Грамматиком. От ее решения зависит определение территории Прибалтийской Руси.

Когда Прибалтийская Русь снова появляется на страницах «Деяний данов» при описании событий гуннской эпохи, упоминаются флоты шести королей, из которых по имени называются только два. Примечательно, что хоть из дальнейшего описания Олимар и выглядит наиболее значимым из них, однако хронист уже ничего не говорит о его верховенстве над остальными правителями русов и, в отличие от Траннона, не характеризует его как «самовластна». Вполне вероятно, что все это говорит о некоем ослаблении единой верховной власти в Прибалтийской Руси. Выше уже было показано, что в союзе русов с гуннами не было ничего невозможного и подобное же объединение сухопутных сил кочевников с морскими силами славян при нападении на Константинополь было письменно зафиксировано уже в аварскую эпоху. Нечего говорить, что размеры этих флотов, равно как и масштаб битв на суше и на море, были весьма сильно преувеличены датскими сагами. Из весьма странного сообщения Саксона Грамматика о воспитании единственного сына Фротона III на Руси, равно как и сообщения немецких генеалогий о браке Олимара-Алимера с королевой Рюгена Идой, следует вывод о продвижении русов на запад Балтийского моря, чему даны, судя по всему, обязались не препятствовать. Об этом же переселении на запад свидетельствует как упоминание трех русских рек в «Деяниях данов», так и отмеченная близость антропологических типов славян на территории Мекленбурга и Померании с населением Курземе в Латвии. Последнее обстоятельство может быть объяснено не только переселением славян с территории Германии в Прибалтику, но и их первоначальным переселением в противопо-

¹⁴⁰ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 238.

ложном направлении. Насколько мы можем судить, значительная часть Прибалтийской Руси вместе со своими правителями переселилась на запад. Более поздние источники отмечают весьма развитую княжескую власть у западных славян, а Саксон Грамматик в своем дальнейшем описании Прибалтийской Руси уже не называет ее правителей царями или королями (*лат.* гех). При описании похода на восток Старкатера, тогдашний правитель рутенов Флокк именуется датским хронистом уже не рексом, а гораздо более скромным титулом «предводителя» – *princirer*. О слабости местной власти говорит и то, что примерно тогда же на Руси безнаказанно злодействует разбойник Висин. Когда впоследствии русы опустошают Данию, возглавляет их не король, а морской разбойник Рот. Затем в связи с Хальданом упоминается о войне между русами и шведами. Если королем последних называется Альвер, то ни о каком правителе русов не говорится, что также достаточно показательно. Все эти факты в своей совокупности явно свидетельствуют об исчезновении в Прибалтийской Руси центральной королевской власти. Этому выводу как будто противоречит последнее сообщение о Регнальде, внуке Ратибора, бывшего телохранителем у конунга Оле, наряду с семьей королями. Однако из сопоставления Саксона Грамматика с более поздними сагами можно заключить, что дед его был конунгом Гардарики, то есть знакомой скандинавам средневековой Северной Руси в землях будущего Новгорода, а не собственно Руси Прибалтийской.

После того как какая-то часть русов переселяется на территорию современной Германии, через какое-то время в Прибалтике в VI–VII вв. появляется новая волна славянских переселенцев – носителей антских фибул. Когда же начались столкновения с империей Карла Великого, а затем и немецкий «Дранг нах остен» на земли западных славян, в этот же регион, по всей видимости, произошло очередное переселение отдельных групп славян. Вполне вероятно, что эти новые переселенцы предпочитали селиться среди родственных по крови и языку соплеменников, а не чуждых финно-угорских и балтских племен. Таким образом, в конечном итоге в Восточной Прибалтике проживало уже не чисто русское, а достаточно смешанное между собой славянское население, в результате чего в Средневековье соседние племена называют их уже не собственно русами, венетами.

Дальнейшая их история нам уже известна из хроники Генриха Латвийского. Стоило только потомкам русам ослабнуть, как курши не замедлили отплатить черной неблагодарностью за приобщение их к более развитым формам земледелия, в результате чего и возникло само их племенное название. Неотступная жестокость, с которой они преследовали венетов, заставляет вспомнить события Гражданской войны, когда в результате расправ латышских стрелков над мирным населением у русского народа возникла поговорка «Не зови палача, а зови латыша». После изгнания большинство венетов-венетов обосновалось на Древней Горе неподалеку от будущей Риги, а после нового изгнания переселились в район Вендена и расселились среди племен ливов и лэттов. Часть из них вошла в состав племенной верхушки данных племен, в результате чего мы видим имя Руссина в хронике Генриха Латвийского и подвески со знаками Рюриковичей у ливов. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что среди переселившихся к ливам венетов были какие-то потомки русских королей Саксона Грамматика по боковой линии, которые после утверждения Рюриковичей на Руси считали себя родственниками правящей в нашей стране династией и демонстрировали это данной деталью своего костюма. Оказавшись между немецким молотом и балтской наковальней, венды с течением времени практически полностью растворились среди местного населения.

Поскольку антропологи отметили сходство части населения Прибалтики со славянским населением севера Германии, откуда впоследствии на восток Европы и пришла варяжская Русь, то этот тип можно считать свойственным именно русам. Выделенные антропологические характеристики позволяют довольно точно определить время их появления в Прибалтике и, по крайней мере частично, территорию, которую они занимали. Впервые они

встречаются в могильнике Кивуткалнс XIII–XI вв. до н. э. Как отмечает Р.Я. Денисова, племена, оставившие данный могильник, характеризовались умеренной массивностью, длинной (192 мм), узкой (139 мм) и высокой мозговой коробкой, малой шириной (129,3 мм) и большой высотой лица (72,5 мм). Краниологическое исследование показало неоднородность данного населения, различающегося между собой по половому признаку. Мужские черепа были резко долихокранными, с узким и сильно профилированным лицом в горизонтальном направлении, а женские – мезокранными, с более широким и уплощенным лицом. Оба этих типа встречаются и на Резиеском могильнике. Узколищый мезокранный тип впоследствии встречается и среди жителей поселения Кивуткалнс середины I тыс. до н. э., бывшего генетически связанным с населением этих мест, оставившего после себя могильник XIII–XI вв. до н. э. «В настоящее время, основываясь на антропологических типах средневекового и современного населения Латвии, можно обозначить примерную территорию распространения узколищего европеоидного населения эпохи бронзы. По нашему мнению, к ней относятся левобережье и низовье Даугавы, бассейн Лиелуне, северные районы Курземе и запад Видземе (вдоль побережья Рижского залива). Узколищый европеоидный антропологический тип эпохи бронзы (могильник и поселения Кивуткалнс), по-видимому, послужил основой в формировании антропологического типа финноязычных ливов»¹⁴¹. Однако помимо ливов средневековые источники именно в этих регионах фиксируют русов и венедов. Необходимо отметить, что до этого на территории Прибалтики были известны только широколицые антропологические типы как среди предков современных балтов (доліхокранний), так и финно-угров (мезокранний). Следовательно, интересующий нас тип является пришельцем в данном регионе. Данные Кивуткалнского могильника показывают прибытие в Прибалтику какого-то нового мужского населения, взявшего себе в жены представительниц местного типа. «Узколищее европеоидное население Латвии эпохи бронзы (Кивуткалнс, XIII–XI вв. до н. э.) не связано преемственностью с населением предшествующих эпох и является пришлым. Позже этот узколищый европеоидный тип представлен среди племен штрихованной керамики I тысячелетия до н. э. с той же территории (низовье Даугавы). В дальнейшем узколищему европеоидному населению принадлежала значительная роль в формировании относительно узколищего финноязычного населения низовьев Даугавы, северной Курземе и западной Видземе»¹⁴². Однако культура штрихованной керамики, распространенная на территории Белоруссии и Прибалтики и соответствующая ставанам Птолемея, неоднократно связывалась различными исследователями, в том числе и автором этих строк, со славянами.

В пользу принадлежности прибалтийского узколищего европеоидного типа к славянам говорит и то обстоятельство, что все остальные финские племена Прибалтики относятся к мезокранному широколицему типу, известному в этом регионе со времен неолита, и ливы в этом отношении выглядят явным исключением. Сам вопрос происхождения ливов достаточно дискуссионен. Археологически их культура начинает отчетливо прослеживаться только с X в. н. э. и, как отмечают специалисты, истоки ее не вполне ясны. Поскольку язык ливов по ряду параметров оказывается ближе не к эстонскому, от которого он заметно отличается, а к карельскому, причем одна из групп этого народа называется карелами-ливвиками, то еще в середине XIX в. было высказано предположение, что ливы приплыли в Латвию из Карелии. Среди сторонников этой гипотезы были как археологи, так и лингвисты, в том числе и финский ученый И. Коскинен, который считал, что ливы вторглись морским путем в земли вендов и латышей во второй половине VIII в. Однако в 50-х годах XX в. Х.А. Моора высказал предположение, что ливы являются потомками местного прибалтийского населения, и эта точка зрения стала наиболее распространенной в археологической литературе,

¹⁴¹ Денисова Р.Я. Антропология древних и современных балтов. Автореферат... докт. ист. наук. М, 1973. С. 26.

¹⁴² Там же. С. 44.

в связи с чем с ливами стали связывать различные археологические памятники более раннего периода¹⁴³. Вопросы о начале взаимоотношений русов и ливов, равно как и появление последних на территории современной Латвии, представляют собой сложные проблемы, требующие дополнительного комплексного изучения. Здесь же следует отметить, что соотношение ливов с Кивуткалнским могильником представляет собой лишь одну из возможных точек зрения, обусловленную в первую очередь сложившейся к 70-м гг. XX в. историографической традицией.

Весьма показательно, что археологические находки из этих мест соответствуют описанию русов у Саксона Грамматика, а также тем сведениям, которые следуют из данных лингвистики. Располагавшееся на острове Доле в низовьях Даугавы поселение Кивуткалнс, ныне затопленное в связи со строительством Рижской ГЭС, датируется I тыс. до н. э. Оно было защищено валом, часть которого составляли деревянные камеры, построенные в технике сруба и заполненные песком. Поверхность земляной насыпи вала была обложена камнями. Раскопки показали, чем занимались жители этого поселения: «Важнейшими отраслями их хозяйства были скотоводство и земледелие (подсечное, даже пахотное)... Здесь обрабатывались камень, кость, рог, янтарь, изготавливались глиняные сосуды. Особое место занимала обработка бронзы, из которых в одноразовых формах отливались украшения, в двухствольчатых – втульчатые топоры и наконечники копий. (...) Находки многочисленных зернотерок и зерна (ячмень, пшено и др.) указывают на то, что земледелие было развито сравнительно высоко»¹⁴⁴. Антропологические и археологические данные свидетельствуют о гораздо более раннем контакте русов с финно-уграми по сравнению с теми датировками, которые следуют из сравнительного языкознания. Однако необходимо иметь в виду, что последние носят приблизительный характер и в тот период, когда давалась лингвистическая датировка этих контактов, никто из специалистов не мог даже теоретически предположить, что они были такие ранние. С учетом того, что было известно на тот момент о славяно-финно-угорских контактах по письменным источникам и данным археологии, от лингвистов и так требовалась большая смелость, чтобы значительно удревнить время первого этапа этих контактов. Кроме того, необходимо иметь в виду и изменение датировки германо-финно-угорских лингвистических контактов, которая влияла и на датировку контактов со славянами. Традиционно считалось, что германские заимствования появились в финском языке после первого перебоя согласных на рубеже новой эры или несколько раньше. Теперь же ранние германские заимствования в саамском и прибалтийско-финском языках существенно удревлены и датируются концом II тыс. до н. э.¹⁴⁵

В завершение попробуем дать характеристику религиозным представлениям Прибалтийской Руси. Данные Кивуткалнского могильника позволяют говорить о существовании культа солнца у оставившего его племени: «Существенным моментом в погребальных обрядах является ориентация погребений. В Кивуткалнском могильнике преобладала ориентация в направлении ВЮВ – ЗСЗ. Возможно, что такая ориентация являлась отражением культа солнца: желание похоронить покойника головой в ту сторону света, где восходит животворное небесное светило»¹⁴⁶. В отдельных славянских погребениях в более позднюю эпоху подобная ориентация также присутствует. Но если совпадение ориентации еще могло быть случайным, то гораздо сложнее объяснить подобным образом совпадение более редких и специфичных моментов. Так, например, в погребении 79 Кивуткалнского могильника

¹⁴³ Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987. С. 33; Никитин А. Костры на берегах. М., 1986. С. 442.

¹⁴⁴ Граудонис Я.Я. Поселение и могильник Кивуткалнс // Археологические открытия 1967 года. М., 1968. С. 269.

¹⁴⁵ Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи. СПб., 2011. С. 114–115.

¹⁴⁶ Граудонис Я. Погребальные обряды на территории Латвии в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 159.

«справа от черепа обнаружены кости ног теленка»¹⁴⁷. С другой стороны, при раскопках второго Збручского (Крутиловского) святилища был обнаружен «черепок маленького ребенка и с обеих его сторон ноги теленка, направленные копытами к детскому черепу»¹⁴⁸. Понятно, что оба захоронения разделены между собой тысячелетиями, однако помещение рядом с черепом ног определенного животного является очень редко встречающимся признаком и позволяет говорить о схожих религиозных представлениях, лежащих в основе данного ритуала. На Збручском идоле божества были изображены с весьма необычным положением рук, когда одна из них покоилась на сердце, а другая – на печени, но точно такое же положение рук встречается и в одном захоронении Кивуткалнского могильника¹⁴⁹. В 131-м погребении этого же могильника, где была похоронена женщина, археологи нашли три вертикально поставленных яйца¹⁵⁰. Однако при раскопках средневекового некрополя великоморавского городища Святого Ипполита исследователи нашли целое куриное яйцо, причем также в женском погребении¹⁵¹. Одинаковые погребальные ритуалы позволяют поставить вопрос и об определенном родстве обусловивших их религиозных представлений у славян и пришедшего на территорию Латвии племени. В других погребениях могильника встречаются камни, коготь птицы, кости бобра, зубы лошади и свиньи, но, поскольку подобные предметы встречаются в захоронениях не только славян, но и других народов, они в этом отношении менее показательны. Выбор места для могильника, аналогичного месту поселения, показывает, что загробный мир представлялся людям подобным миру живых.

Откуда же пришло в Прибалтику население, оставившее Кивуткалнский могильник? Авторы посвященной ему коллективной монографии вынуждены констатировать: «Вопросы о путях проникновения на изучаемую территорию и этнической принадлежности пришлого узколицего населения, которые мы в целом связываем с южноевропейским происхождением, пока остаются открытыми»¹⁵². Очевидно, ответ на эти вопросы кроется в комплексном изучении археологических и антропологических особенностей создателей Кивуткалнского могильника и сравнения их с аналогичными признаками, встречающимися в синхронных культурах за пределами Прибалтики. При исследовании могильника было обнаружено 54 костяных булавок, которые подразделяются на несколько групп. Первую группу составляют примитивные, массивные булавки, аналоги которым неизвестны. Вторую группу можно сравнить с костяными булавками позднего неолита Дании и Швеции. При этом специалисты полагают, что прототипами костяных булавок всего Северного региона были бронзовые булавки унетицкой культуры из Центральной Европы, причем форма некоторых кивуткалнских булавок свидетельствует о том, что центрально-европейское влияние распространялось и на территорию Латвии. В ходе детального анализа захоронений было установлено, что в Кивуткалнском могильнике встречаются захоронения разных антропологических типов, каждый из которых имел свои особенности в погребальном ритуале. В частности, было отмечено, что женщинам с узкой долихокранной формой, то есть прищельцам, были свойственны погребения, дно которых было посыпано белым песком, а женщинам с широкой мезокранной формой – костяные булавки¹⁵³. Таким образом, сопоставление архео-

¹⁴⁷ Денисова Р.Я., Граудонис Я.Я., Гравере Р.У. Кивуткалнский могильник эпохи бронзы. Рига, 1985. С. 23.

¹⁴⁸ Тимошук Б.А., Русанова И.П. Второе Збручское (Крутиловское) святилище (по материалам раскопок 1985 г.) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 90.

¹⁴⁹ Денисова Р.Я., Граудонис Я.Я., Гравере Р.У. Кивуткалнский могильник эпохи бронзы. Рига, 1985. С. 11, рис. 3, поза 11а.

¹⁵⁰ Там же. С. 28–29.

¹⁵¹ Чешские археологи обнаружили древнее куриное яйцо // <http://ria.ru/science/20100825/268668823.html#13905620440914&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration>

¹⁵² Денисова Р.Я., Граудонис Я.Я., Гравере Р.У. Кивуткалнский могильник эпохи бронзы. Рига, 1985. С. 162.

¹⁵³ Там же. С. 129–130.

логических и антропологических данных показывает, что костяные булавки указывают на связи туземного, а не узколицого населения. Поскольку последнее подсыпало свои могилы песком, следует искать аналоги данного погребального ритуала: «Подсыпка могильных ям белым песком связана с представлениями о том, что могила – загробный дом умершего – должна быть чистой и светлой... Подсыпка могильных ям песком... известна и по материалам фатьяновской культуры. (...) Во 2-м погребении Лихачевского могильника скелет лежал на светлой смеси из глины и извести, а в 62-м погребении Балановского могильника белой известью было выстлано не только дно могильной ямы, но и обмазаны ее стены»¹⁵⁴. Таким образом, данный важнейший этноопределяющий признак пришедшего в Прибалтику узколицого населения указывает на фатьяновскую и балановскую археологические культуры, располагавшиеся в Верхнем и Среднем Поволжье. Кроме того, в 88-м захоронении Кивуткалнского могильника, а может быть, и в ряде других, вокруг гроба находилась еще четырехугольная деревянная встройка. Аналогичные встройки встречаются и в Вагановском могильнике. Сделать выбор из двух археологических культур нам помогает антропология: «Кивуткалнские племена эпохи бронзы обнаруживают большое сходство (расстояние Пенроуза 0,26–0,28) с узколицыми племенами культур штриховой керамики Польши (Злота), Саксо-Тюрингии и балановцами и заметно отличаются от протобалтских племен культуры боевых топоров Эстонии, висло-неманской культуры и фатьяновцев, которые характеризуются сравнительно широким лицом»¹⁵⁵. Различия между кивуткалнцами и фатьяновцами показывает и изучение зубов: «Если у фатьяновцев диаметры коронки маляров относятся главным образом к средним категориям этих величин... то племена Черняховской и отчасти балановской культур, а также кивуткалнская популяция характеризуются малыми, а в отдельных случаях очень малыми величинами маляров»¹⁵⁶. Таксиномическое расстояние, высчитанное по комплексу одонтологических особенностей редуцированного характера, между кивуткалнской популяцией и племенами черняховской и балановской культур составляет 0,31, а между кивуткалнцами и фатьяновцами – 0,65. Сходство с балановской культурой демонстрируют и костяная гребенка, и, что весьма показательно, найденная в 133-м погребении Кивуткалнского могильника двухоборотная бронзовая спираль. «Других таких спиралей на территории Латвии не обнаружено, но они имеются в памятниках фатьяновской и среднеднепровских культур. В могильниках балановской культуры (XIX–XV вв. до н. э.) найдены различные медные и бронзовые орудия (наконечники дротиков, топоры, шилья) и украшения (трубочки, спирали, колечки), сходные с кивуткалнской находкой»¹⁵⁷. Таким образом, с археологической точки зрения наибольшее сходство узколицее население Кивуткалнского могильника имело с фатьяновской и балановской культурами, однако данные антропологии указывают, что родственно оно могло быть только последней культуре. Поскольку один из авторов коллективной монографии, посвященной данному могильнику, считал кивуткалнцев балтами, а другая – ливами, они, несмотря на изложенный в книге материал, не смогли прийти к согласованному выводу о происхождении населения, которому принадлежало интересующее нас захоронение, и оставили вопрос открытым. Однако у нас есть еще один важный критерий, позволяющий определить, откуда пришли создатели Кивуткалнского могильника. Выше уже отмечалось, что именно в этом регионе Саксон Грамматик фиксирует Прибалтийскую Русь. Однако само название Руси, как было показано нами в исследовании «Загадки римской генеалогии Рюриковичей», происходит от древнейшего индоевропейского названия Волги. Мы видим наличие узколицого долихокранного типа в

¹⁵⁴ Там же. С. 49.

¹⁵⁵ Денисова Р.Я. Антропология древних и современных балтов. Автореферат... докт. ист. наук. М., 1973. С. 26.

¹⁵⁶ Денисова Р.Я., Граудонис Я.Я., Гравере Р.У. Кивуткалнский могильник эпохи бронзы. Рига, 1985. С. 80.

¹⁵⁷ Там же. С. 41.

тех регионах славянского мира, где средневековые источники отмечают варяжскую Русь. Этот же антропологический тип в гораздо более раннюю эпоху появляется на территории современной Латвии, где «Деяния данов» и другие источники также отмечают присутствие русов. И наконец, этот же самый антропологический тип встречается нам на Волге – реке, давшей само название нашему народу. С учетом того, что совершенно независимо от данных языкознания археология в интересующую нас эпоху констатирует связи между создателями Кивуткалнского могильника и балановской культурой, последняя может рассматриваться как исходное место, откуда узколинее европейское население пришло на берега Балтики. Благодаря сопоставлению всего круга данных мы можем определить территорию балановской культуры как исходную русскую прародину, то место, где возникло название нашего народа.

Чрезвычайно интересным является описанное Генрихом Латвийским гадание при помощи коня, произведенное ливами в 1186 г.: «У епископа был сотрудник в проповедании Евангелия... Ливы из Торейды решили принести его в жертву своим богам, потому что жатва у него была обильнее, а на их полях погибла, затопленная дождями. Собрался народ, решили узнать гаданием волю богов о жертвоприношении. Кладут копье, конь ступает (через него) и волею Божьей ставит раньше ногу, почитаемую ногой жизни; брат устами читает молитвы, руками благословляет. Кудесник говорит, что на спине коня сидит христианский Бог и направляет ногу коня, а потому нужно обтереть спину коня, чтобы сбросить Бога. Когда это было сделано, а конь опять, как и в первый раз, ступил раньше ногою жизни, брату Теодориху жизнь сохранили»¹⁵⁸. Однако подобный способ гадания, равно как и представление о боге, незримо едущем на священном коне, встречается при описании обычаев западных славян. Католические авторы сообщают, что аналогичные гадания проводились в Волине и на Рюгене, где священные кони, соответственно, были посвящены Триглаву и Святовиту. Когда раны предполагали начать войну, то, как описывает это Саксон Грамматик, перед храмом ставилось три копья, и если конь переступал их правой ногой прежде, чем левой, это считалось добрым знаком, а если же сначала конь шагнул левой, то направление похода изменяли. Подобный способ гадания с помощью переступающего копья коня был неизвестен другим финно-угорским народам и является у ливов явно заимствованным. У индоевропейцев же конь с момента его одомашнивания наделялся солярными чертами и, как показывает само имя Святовита, был связан с соответствующим божеством. Со Святовитом было связано также и гадание о будущем урожае. Одинаковый способ гадания в очередной раз указывает на тесные славяно-ливские контакты, на этот раз в религиозной сфере.

О наличии культа Святовита в данном регионе говорят и другие данные. В свое время А. Никитин, основываясь на отсутствии археологических следов присутствия скандинавов на Белом море, а также еще целом ряде фактов, высказал предположение, что упоминаемая в сагах Биармия в действительности находилась не на Северной, а на Западной Двине, в земле ливов. Хотя данная гипотеза и не бесспорная, однако в ряде случаев речь в сагах действительно идет о Прибалтике. В Босасаге рядом с Биармией упоминается страна Глезисвеллир, а в саге о Стурлауге уже в Биармии на западном берегу реки Вины на равнине «был храм, так сиявший, что его блеск, казалось, озарял всю равнину, так как был он украшен золотом и драгоценными камнями»¹⁵⁹. По поводу описания данного храма К. Тиандер отметил: «Если обратить внимание на выражения *vellir* и *allglaesiligt*, встречающиеся в этом описании, то нам станет ясно, что здесь имеется в виду местность *Glaesisvellir*»¹⁶⁰. Этот исследователь, как и последующие переводчики, понял слово *глез* в обоих сагах как «стекло». Однако еще

¹⁵⁸ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М. – Л., 1938. С. 72, 73.

¹⁵⁹ Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. С. 153.

¹⁶⁰ Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. С. 308.

Тацит при описании живших в Прибалтике эстиев отмечал, что они «единственные из всех собирают янтарь, который сами они называют *глезом*»¹⁶¹. А. Никитин совершенно справедливо сопоставил это античное свидетельство с текстом саг и перевел описание биармского храма как «янтарносверкающий»¹⁶². Поскольку янтарь есть только в Прибалтике, а не на Белом море, очевидно, что в обеих сагах речь идет о плаваниях викингов к берегам Западной Двины. Данный вывод подтверждается и тем, что устройство описанных в них храмов несколько не совпадает с финно-угорскими древностями, а более всего напоминает храмы западных славян. Различную локализацию Бьярмаланда в скандинавских источниках отмечает и Г.В. Глазырина, причем написанная в XII в. «История Норвегии» относит корел к бьярмам¹⁶³, что весьма показательно, учитывая близость ливов именно к корелям. Кроме того, следует отметить, что в скандинавской традиции Русь-Гардарики и Биармия также могли изредка использоваться в качестве взаимозаменяемых понятий, о чем говорит история волшебного меча Тюрфинга, подробнее рассмотренная нами в книге «Загадки римской генеалогии Рюриковичей». Согласно «Саге о Хёрвер», записанной между 1250 и 1334 гг., этот волшебный меч добывает викинг Арнгрим, убив предварительно его бывшего владельца, конунга Гардарики Свафрлами. Однако в труде Саксона Грамматика Арнгрим совершает поход не на Русь, а в Биармию.

Стурлауг должен был добыть волшебный рог Урахорн, о местонахождении которого сага гласит следующее: «Нужно начать с того, что в Бьярмаланде стоит большой храм. Посвященный Тору и Одину, Фршт и Фрейе, он искусно сделан из дорогого дерева. (Одни) двери храма смотрят на северо-запад, а другие – на юго-запад. Там внутри Тор и Один, а перед ними на столе лежит Урахорн, с виду блестящий, как золото»¹⁶⁴. Когда герой проник внутрь храма, он увидел там Тора, перед которым лежал рог, а также висели шахматные фигуры и доска из чистого золота. Прислуживали божеству тридцать женщин, главной из которых была одна великанша, вооружившаяся против незваных пришельцев: «Жрица храма стоит, темно-синяя и вздущаяся, и держит обоюдоострый меч. Ему показалось, что на лезвиях меча горел огонь»¹⁶⁵. Однако на всем Балтийском море рог и меч вместе были атрибутами только одного бога – Святовита. Западные источники не упоминают в арконском храме шахмат, однако, как отмечают исследователи данной саги, в древности они использовались и для гаданий, причем то ли игральные фишки, то ли гадательные жребии были найдены как у западных славян, так и в Ладоге. Число жриц в саге также показательно, поскольку в Арконе, согласно сообщению Саксона Грамматика, Святовит имел ровно в десять раз больше служителей, но уже мужчин: «Этот бог имеет также на службе своей триста отборных коней и столько же всадников»¹⁶⁶. В Новгороде, на другой стороне Варяжского моря, когда горожане в 1136 г. свергли своего князя Всеволода Мстиславича, они так поступили с пленником: «Въсадиша въ епископлъ дворъ... и стражъе стражаху день и ночь съ оружиемъ, 30 мужъ на день»¹⁶⁷. Хоть в одном случае тридцать жриц берегут храм боже-ства, а в другом – тридцать мужей стерегут низложенного правителя (притом в доме верховного духовного иерарха города), числовая символика оказывается совершенно одинаковой. Имена скандинавских божеств не должны вводить нас в заблуждение, поскольку авторы саг для ясности отождествляли неизвестные мифологические персонажи других народов

¹⁶¹ Тацит К. Сочинения в двух томах. СПб., 1993. С. 355.

¹⁶² Никитин А. Костры на берегах. М., 1986. С. 455.

¹⁶³ Глазырина Г.В. Исладские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. С. 41–42.

¹⁶⁴ Там же. С. 151.

¹⁶⁵ Там же. С. 155.

¹⁶⁶ Иванова-Бучанская Ю.В. Символы Северной Германии. СПб., 2006. С. 51.

¹⁶⁷ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 3, Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 24.

со своими богами. Так, например, англо-норманнский хронист Ордрик Виталий в 1068 г. сообщал: «Лютичи не знали истинного Бога, но, опутанные сетями невежества, поклонялись Гводену, Туру и Фрее и другим ложным богам или скорее бесам»¹⁶⁸. В данном случае, упоминая трех главных богов западных славян, он также обозначил их именами более привычных ему скандинавских богов.

Гводен – это Один, верховный бог языческого пантеона викингов, которому соответствует славянский «бог богов» Святovit. Тур – это громовержец Тор. Хотя мы и не можем с абсолютной точностью определить его западнославянский аналог, но у восточных славян им был громовержец Перун, известный также и полабским славянам. Фрея была богиней любви, которой посвящалась пятница, и это однозначно указывает на почитаемую как восточными, так и западными славянами Мокошь. Комментаторы саги о Стурлауге считали, что данное описание богов биармов взято из описания храма в Упсале, однако в последнем поклонялись трем мужским божествам – Тору, Водану и Фрикко. Гораздо ближе к тексту саги описание богов лютичей, однако и там упоминаются два бога и одна богиня. Наиболее точную аналогию ему мы видим в восточнославянском Збручском идоле, на верхней части которого были как раз изображены два бога и две богини. Одновременно с этим данный идол символизировал собой Первобога, объединяющего собой все три сферы мироздания, и в этом качестве еще первыми исследователями был отождествлен с четырехликим западнославянским Святovitом. Из текста саги непонятно, представляли ли собой изображения Тора и Одина один или два идола, однако, даже если предположить последнее, это может быть объяснено тем, что многоглавые боги были чужды скандинавам. То, что в храме служило тридцать жриц, указывает на тридцатидневный месячный цикл и, соответственно, на солярную природу божества, которому был посвящен данный храм. Не только оба священных атрибута божества, но даже число служителей находит свою аналогию в Арконе на Рюгене. С учетом всего этого мы вправе заключить, что «янтарносерверкающий» храм близ Двины в саге о Стурлауге является еще одним свидетельством существования культа Святovита в Прибалтике. Кроме того, сами формы Вина, или Дюна, как саги называли главную реку Бьярмаланда, указывают в качестве источника заимствования на славянскую Двину, а отнюдь не латышскую Даугаву.

¹⁶⁸ Гильфердинг А. Собрание сочинений. СПб., 1874. Т. 4: История балтийских славян. С. 159, примеч. 635.

Рис. 3. Рижские четырехликие идола XIII в.

Отчетливые следы культа Святовита встречаются в данном регионе и в более поздний период. При раскопках в Риге под мостовой улицы XIII в. был найден фрагмент небольшой четырехголовой фигуры, середина которой была украшена орнаментальной плетенкой, а низ оканчивался головой фантастического чудовища. Под полом деревянного строения, разрушенного в Риге в начале того же века, был найден еще один жезл, в середине которого было вырезано четырехликое изображение (рис. 3). В том же городе было найдено еще пять одноглавых идолов. Археологи отмечают чуждость подобных памятников собственно прибалтийским древностям: «Подобные деревянные жезлы – антропоморфные изображения ни на латвийских средневековых памятниках, ни среди древностей прочих памятников Прибалтики пока неизвестны. Дать объяснения рижским резным фигуркам мы можем лишь на

основании аналогов из археологического материала соседних стран»¹⁶⁹. Исследовавший этот вопрос А. Цауне отмечает, что ближайшим аналогом четырехголовых изображений являются древности балтийских славян, в первую очередь идол Святовита из хроники Саксона Грамматика и найденное в польском Волине деревянное четырехголовое изображение божества. Описанное у средневековых ливов гадание с помощью коня, распространенное в рассматриваемую эпоху только у западных славян, свидетельствует о местных корнях культа четырехликого Святовита. Что касается одноголовых жезлов, то ближайшей параллелью им являются новгородские наверхшия. Все эти находки убедительно свидетельствуют о связях в религиозной сфере части населения средневековой Риги как с восточными, так и с западными славянами.

Поскольку Саксон Грамматик прямо упоминает Боя, предания о котором как о князе и прародителе народа сохранялись в соседней Белоруссии до XIX в., мы вправе предположить существование в данном регионе этого чрезвычайно древнего мифа. Следы почитания данного персонажа мы видим и у полабских славян в названии города Бойценбург на Эльбе¹⁷⁰. Имена Баи, Байта встречаются нам и в новгородских грамотах¹⁷¹. С достаточной долей уверенности мы можем говорить и о почитании древними русами Радигоста, с символикой которого, как будет показано ниже, связывался морской путь переселения русов на территорию современной Германии. В саге о Боси, упоминающей Янтарную страну рядом с Биармией, дается весьма интересное описание еще одного языческого храма: «Здесь в лесу стоит большой храм, который принадлежит конунгу Хареку, правившему Бьярмаландом. Бог, которому здесь поклоняются, зовется Йомали, и здесь можно найти много золота и драгоценностей. Этим храмом управляет мать конунга по имени Кольфроста; она искусна в жертвоприношениях. (...) Там (в храме) живет огромная птица, (...) такая свирепая, что уничтожает все, что окажется поблизости. Она смотрит прямо на дверь и наблюдает за всеми, кто входит... В храме есть жертвенный бык, скованный цепью»¹⁷². С другой стороны, Ботон так описывает идол Радигоста: «Оботритский идол в Мекленбурге, называвшийся Радигостем, держал на груди щит, на щите была (изображена?) черная буйвожья голова, в руке был у него молот, на голове птица»¹⁷³. То, что эти подробности не были выдумкой этого автора, подтверждает как герб мекленбургских герцогов, так и их родовое предание, упоминающее голову быка и грифона в качестве атрибутов родоначальника их династии. Таким образом мы видим, описание священных животных храма биармов в саге совпадает с атрибутами западнославянского бога. В более позднее время у прибалтийских венедов фиксируется и культ птицы: «Когда в Курляндии в 1868 г.

была найдена костяная скульптура фантастической птицы, то в ней местные жители увидели “бога времени” курляндских вендов»¹⁷⁴. То, что в саге бог называется Йомали, А. Никитин объяснил тем, что о храме скандинавы узнали от финноязычных ливов, называвших это божество на своем языке. В финно-угорской мифологии Юмала является общим наименованием божества, прежде всего духа неба, а после христианизации этих народов стало названием бога новой религии. Убив священных животных и жрицу (причем в последнюю они бросают голову быка), викинги «вошли в храм и... подошли к алтарю, где сидел

¹⁶⁹ Цауне А. Язычество древней Риги // Славянская археология, 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян. Материалы по археологии России. Вып. 1. М., 1993. С. 206.

¹⁷⁰ Адам Бременский, Гельмольд из Босаи, Арнольд Любекский. Славянские хроники. М., 2011. С. 390, 393, 465.

¹⁷¹ Молодых Л.И. Мирские имена в новгородских пергаментных грамотах // Ономастика Поволжья, 4. Саранск, 1976. С. 115–116.

¹⁷² Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. С. 208–209.

¹⁷³ Гильфердинг А. Собрание сочинений. Т. 4: История балтийских славян. СПб., 1874. С. 182, примеч. 697.

¹⁷⁴ Зеленин Д.К. О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1954. № 6. С. 87.

Йомали. Они сняли с него корону, украшенную 12-ю драгоценными камнями, и ожерелье, стоимостью триста золотых марок. А с его колен они взяли серебряную чашу, наполненную красным золотом, такую большую, что четверо мужчин не смогли бы ее осушить»¹⁷⁵. Двенадцать камней на короне соотносятся с двенадцатью месяцами солнечного календаря. Сама же корона указывает на связь божества, которому был посвящен храм, с королевской властью, и эта связь подтверждается тем, что храм принадлежал правителю этой земли, а жрицей в нем была мать этого правителя. С другой стороны, немецкие авторы также упоминают корону Радигоста, которая еще в XV в. была выставлена в окне христианской церкви: «...есть в окрестностях Гадебуша, который обтекает река Радагас, носящая имя божества, корона которого (из меди, от расплавленного его идола), поныне видна в окне храма»¹⁷⁶. Таким образом, сага описывает данное святилище как родовой храм правителя «Биармии». Поскольку во время нападения на храм викинги увезли с собой еще находившуюся там Хлед, сестру конунга Глезисвеллира, то сыновья правителя Биармии по просьбе правившего в Янтарном краю ее брата нападают на Гаутланд, убивают местного конунга и увозят обратно Хлед. Боси с побратимом вновь возвращаются на Двину и обманом вновь добывают сестру правителя Глезисвеллира. В завершение всего Боси похищает дочь конунга Бьярмаланда, причем для этого ему приходится предварительно убить сопровождавшего ее слугу Скалька¹⁷⁷. Отметим, что Саксон Грамматик упоминает потерпевшего поражение от датчан славянского князя Скалка¹⁷⁸. Даже если данное имя и было заимствовано создателем саги из «Деяний датчан», это показывает, что в его представлении Бьярмаланд как-то соотносился со славянским миром.

¹⁷⁵ Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. С. 209.

¹⁷⁶ Матерь Лада. М., 2003. С. 415.

¹⁷⁷ Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. С. 297–300.

¹⁷⁸ Гильфердинг А. Собрание сочинений. Т. 4: История балтийских славян. СПб., 1874. С. 45.

Рис. 4. Герб Лифляндии в составе Российской империи

На это же указывает и то, что в «Саге о Хальвдане Эйстейнссоне» в войске конунга Бьярмаланда Харека служат два конунга финнов Фид и Флоки¹⁷⁹. Имя последнего напоминает имя предводителя рутенов Флокка из «Деяний данов». Имя конунга Бьярмаланда находит свою этимологию в авестийском языке: *harak*, «бросать, выбрасывать», родственное арийскому *sark* с тем же значением и др. – инд. *srka*, «острие (копья или стрелы)». Насколько можно судить, данное имя восходит к первому значению иранского корня – *har-*, «заботиться, следить; хранить, охранять; оберегать»¹⁸⁰ и первоначально означало «бросающийся (для охраны)».

Рис. 5. Лифляндская полумарка 1573 г.

У западных славян птица Радигоста могла заменяться грифоном, и, что весьма показательно, данное мифологическое животное оказывается связано и с территорией современной Латвии. Грифон изображен как на современных латвийских гербах Видземе и Латгале, так и гербе Лифляндии в составе Российской империи (рис. 4). Понятно, что эти гербы сравнительно новые: так, например, герб Лифляндской губернии был утвержден в 1856 г., однако традиция изображать данное мифологическое животное на гербе данного региона восходит к более ранним временам. Грифона с мечом в качестве герба Лифляндии мы уже видим на лифляндской полумарке 1573 г. (рис. 5). Считается, что данный герб появился там в результате Ливонской войны, когда данный регион стал частью Великого княжества Литовского и на территории современной Латвии было образовано Ливонское воеводство с центром в Вендене, первым губернатором которого стал Я.И. Ходасевич, в родовом гербе которого также был грифон с мечом¹⁸¹. Однако грифон в качестве эмблемы Лифляндии сохраняется как при шведском, так и при русском владычестве, что позволяет предположить его более

¹⁷⁹ Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. С. 71.

¹⁸⁰ Этимологический словарь иранских языков (далее – ЭСИЯ). Т. 3. М., 2007. С. 367–371.

¹⁸¹ Heraldicum. Гербы Латвии. Лифляндия // <http://www.heraldicum.ru/latvija/index.htm>; Паласиус Р. Родовой символ Романовых // <http://sovet.geraldika.ru/article/4753>

глубокие корни, нежели случайное его присутствие в личном гербе польского губернатора этих земель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.